

Санкт-Петербургский государственный университет

ГОЛОВАТСКИЙ Анатолий Константинович

Выпускная квалификационная работа

Библейские мотивы в творчестве И. В. Гёте

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5612 Литература и культура народов зарубежных стран

Научный руководитель:
профессор, Кафедра истории зарубежных литератур Полубояринова Лариса

Николаевна

Рецензент:

доцент, ФГБОУВО «Российский университет транспорта»
Екимова Наталия Викторовна

Санкт-Петербург
2023

Оглавление

Оглавление	2
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В ТРАГЕДИИ «ФАУСТ».....	8
1.1. Духовные законы Библии в художественном мире «Фауста»	8
1.2. Свободен ли Фауст?	13
1.3. Сотериологический аспект духовного мира «Фауста».....	20
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В РОМАНЕ «ГОДЫ СТРАНСТВИЙ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА, ИЛИ ОТРЕКАЮЩИЕСЯ»	26
2.1. Образ святого семейства.....	26
2.2. Педагогическая провинция как рецепция Мамврийской дубравы.....	31
2.3. Посещение Елизаветы Марией	40
2.4. Другие библейские смыслы и образы романа	42
2.5. Мотив странствия как рецепция библейского аскетизма	45
ГЛАВА 3. БИБЛЕЙСКИЕ СМЫСЛЫ И ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРНОМ НАСЛЕДИИ И. В. ГЁТЕ.....	51
3.1. Рецепция сотворения мира и книги Бытия	51
3.2. Рецепция эсхатологического содержания Библии	57
3.3. Рецепция событий ветхозаветной истории	64
3.4. Рецепция евангельских событий.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	79

ВВЕДЕНИЕ

Библия – книга, которая, наверное, оказала, по сравнению с другими книгами, самое большое влияние на развитие европейской христианской цивилизации. Корпус ветхозаветных книг стал основой трех мировых религий: христианства, ислама и иудаизма. Новозаветные книги Библии, актуальные, в первую очередь, для христиан, формируют систему положений, как нужно жить, чтобы достигнуть блаженства, жизни в Царстве будущего века.

Гёте неоднократно говорил о том, что еще с детства был хорошо знаком с библейским текстом. «Повсюду я слышал разговоры, что для понимания Ветхого, а также Нового завета необходимо знание не только новейших, но и древних языков. Новый завет я уже читал свободно, ибо по воскресеньям, чтобы и в этот день не оставаться праздным, должен был повторять так называемые Евангелия и Послания, читавшиеся в церкви, переводить их с греческого и частично комментировать. Так же хотел я впредь поступать и с Ветхим заветом, своеобразность которого особенно меня привлекала»¹, – пишет он в своем автобиографическом сочинении «Из моей жизни. Поэзия и правда». Свое детское увлечение Священным текстом Гёте смог сохранить до конца жизни. И особенно ярко этот интерес проявился в его художественных произведениях, которые мы рассмотрим в данной выпускной квалификационной работе.

Приступая к определению актуальности исследования, можно отталкиваться от нескольких основных тезисов. Так, когда мы сопоставляем конкретный мотив или образ из текста Гёте с возможным библейским источником, мы расширяем границы истолкования художественных произведений. Понимание смысла, который закладывал Гёте в то или иное художественное произведение, переходит на другой качественный уровень. Сложно понять тот или иной авторский замысел, если в полной мере

---

¹ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман. – с. 105.

непонятен смысл, заложенный в конкретном библейском источнике, на который автор опирался. Кроме того необходимо разобраться, действительно ли Гёте работал с тем или иным библейским текстом, а в случае, если эту связь мы проследили, то следует понять, какие положения при работе с текстом были ключевыми, иными словами, для чего Гёте обращался к Библии, что именно самым фактом своего обращения к этому источнику он хотел сказать. Также актуальность исследования заключается в том, чтобы определить, обращался ли Гёте непосредственно к Священному тексту или мы можем говорить о том, что здесь присутствует медиатор: та или иная картина, икона, толкование, церковная традиция и т. д. Исследователю, анализирующему параллели между книгами Библии и произведениями И. В. Гёте, открывается более явное представление о некоторых важных аспектах творчества Гёте: о его стиле работы с Библией и о его личном осмыслении Священного Писания.

Разные исследователи, подробно изучая библейские аллюзии И. В. Гёте, приходили к интересным выводам. «Именно время Гёте — конец XVIII — начало XIX в. — стало временем подлинного открытия библейской поэзии (открытия ее именно как поэзии) и осмысления специфики библейской поэтики, временем осознанного подхода к Библии не только как религиозному тексту, но и как эстетическому феномену, как проявлению духа и творчества конкретного народа»², — пишет Г. В. Синило. Так, особое внимание нам следует уделять рассмотрению того, как библейская поэтика, а также композиция и структура книг Библии повлияли на творчество Гёте.

Отдельное внимание следует обратить на то, что Библия была для Гёте материалом, над которым он особенным образом размышлял. «На протяжении всей своей жизни поэт многократно цитировал Библию, интерпретировал ее по-своему и неоднократно повторял, что затратил слишком много душевных сил на эту книгу, чтобы когда-нибудь без нее

---

² Синило Г. В. Гёте и новое открытие библейской поэзии [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gyote-i-novoe-otkrytie-bibleyskoy-poezii>. – (Дата обращения: 02.12.2021). - С. 66

обходиться»³, – отмечает Е. В. Гук. Сложно не согласиться с этим положением, действительно, Библия занимала особое место в творчестве Гёте и он по-своему ее понимал и интерпретировал. «Либеральный культурный протестантизм снова увидел в поэте “Фауста” скорее современного христианина, в то время как неоклассические толкователи превозносили религию Гёте как новое откровение божественного в мире, а самого Гёте – как основателя "мирового благочестия", своего рода, нового язычества»,⁴ – пишет К. Динст. Невозможно рассматривать контекст произведений Гёте в отрыве от его личного отношения к христианству, отдельно от понимания основных аспектов его мировоззрения. Этот сложный вопрос станет своего рода сверхзадачей нашей работы. Так, в ходе исследования через призму библейских мотивов произведений Гёте, а также через разбор научной литературы мы постараемся увидеть личное отношение Гёте к Библии и христианству.

В своем автобиографическом сочинении «Из моей жизни. Поэзия и правда» Гёте писал: «Библию я знал досконально, мне не хватало только веры, чтобы признать божественным то, что я до сих пор почитал высшим проявлением человеческого духа, но утвердиться в таком богопочитании мне было нетрудно: ведь я с детства привык смотреть на Библию как на книгу божественную»⁵. В данной выпускной квалификационной работе мы постараемся разобраться, что это значит и какое понимание Гёте вкладывал в такое определение этого древнего текста, серьезнейшим образом повлиявшего на развитие человеческой цивилизации.

Результатом исследования станет попытка приблизиться к пониманию того, что для Гёте было особенно важным при работе с Библией: сакральность текста, глубина вечных духовных вопросов, ответы на которые

---

³ Гук Е. В. Библия в художественном мире Гёте (замысел и философская проблематика «Фауста») // Сборник работ 66-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета. В 3 ч. Ч. 2. – Минск: БГУ, 2009. – С. 206-209 - с. 206

⁴ Dienst K. Zur Religion des jungen Goethe // Journal für Religionskultur. – 1999. – Nr. 30. – S. 1-15.- S. 1

⁵ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 282-283

дает книга книг, эстетика, мистика, величие человеческого духа, ясность образов или что-то другое. Важно также рассмотреть, что принципиально нового внес И. В. Гёте в традицию художественного осмысления библейского текста. Значение результатов такого рода сложно переоценить, так как многие видные писатели и поэты различных литературных течений часто обращались к творчеству Гёте, стараясь осмыслить его идеи по-новому. Кроме того, мы проведем разграничение между ветхозаветными и новозаветными библейскими источниками Гёте и попробуем определить, книги какой из частей Библии больше интересовали Гёте и какие идеи каждой из двух частей Священного Писания он особенным образом осмыслял и актуализировал в своем творчестве. Новизна данного исследования заключается в том, что другие работы, в основном, касаются либо ветхозаветных, либо новозаветных источников творчества Гёте. Иные же научные работы не проводят четкого разграничения между Ветхим и Новым Заветом. Новизна данной работы также заключается в том, что написано не так много исследований, посвященных обзору библейских смыслов и образов в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся» и в стихотворениях Гёте.

Объектами нашего исследования станут трагедия «Фауст» и роман «Годы странствований Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся». Эти произведения ярко отражают как отношение Гёте к библейскому тексту, так и его стиль работы с ним. В качестве непосредственных задач обозначим рассмотрение в этих произведениях конкретных элементов, имеющих отсылки к Библии. Мы имеем возможность проанализировать, в чем была необходимость использовать в качестве источника именно библейский текст. Рассмотрев этот вопрос, мы можем попытаться ответить на вопрос, чем была для Гёте Библия, к каким обобщающим положениям можно свести своеобразие его взгляда на библейский текст. Кроме того, мы рассмотрим значение этих элементов в общем художественном плане конкретного произведения.

Углубляясь в исследование, мы можем видеть, как Гёте или соглашается с принятым толкованием, или выстраивает свою собственную концепцию понимания того или иного места Библии, отличную от общепринятой. Также следует обращать внимание на художественный мир романа, на его целостность и композицию. Важно рассматривать то или иное место романа как часть единого целого, ведь мы можем говорить о том, что библейские аллюзии способствуют формированию целостного восприятия романа, состоящего из отдельных новелл и соединенных между собой немногими вещами, такими, как общие главные герои, тема странствия и расширение границ художественного мира через отсылки к Библии и христианской культуре.

Следующий объект нашего исследования – это стихотворения И. В. Гёте. В них часто встречаются элементы, анализируя которые, мы можем проследить влияние Библии. Также мы можем видеть обращения лирического героя к Богу. Мы ставим задачу рассмотреть корпус стихотворений И. В. Гёте, в которых встречаются библейские смыслы и образы. Произведя анализ, мы сможем увидеть, какие книги Библии чаще всего становились для Гёте источником вдохновения. Кроме того, мы увидим, каким Гёте изображает Бога и как именно он к Нему обращается. Огромное количество стихотворений с отсылками на Ветхий Завет и на Новый Завет – прекрасный материал, на основе которого исследователь имеет возможность более серьезно погрузиться в анализ творчества Гёте.

Сложным и неоднозначным, наконец, было отношение Гёте к христианству, христианским конфессиям и прочим религиозным течениям. Понимание того, что Гёте считал позитивным или, напротив, негативным в том или ином религиозном течении, позволяет нам более точно понять, как Гёте осмысляет ту или иную мысль, звучащую в Библии.

ГЛАВА 1. АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В ТРАГЕДИИ «ФАУСТ»

1.1. Духовные законы Библии в художественном мире «Фауста»

Первой частью моего исследования станет анализ библейских мотивов в трагедии И. В. Гёте «Фауст», завершённой в 1832 году. Общеизвестно, что это произведение восходит от исторических реалий до рассмотрения вечных духовных вопросов, очень созвучных библейскому повествованию. «Значение “Фауста” не только в том, что в нём творчески освоены важные моменты национальной истории определенной эпохи, но и в том, что они освоены как непосредственное проявление существеннейших особенностей человеческой природы в целом и в соответствии с глубинными закономерностями и наиболее передовыми тенденциями той эпохи, эпохи грандиозных всемирно-исторических сдвигов»⁶, – пишет И. Ф. Волков. В более современных исследованиях ещё чаще обращается внимание на то, что вопросы, рассматриваемые в трагедии Гёте, сложно ограничить социальным планом преобразований эпохи. «Несомненно воздействие библейского сюжета на творческий замысел И. В. Гёте: драматическое действие сконцентрировано на идее духовного искушения человека, которое осуществляет демон зла Мефистофель»⁷, – пишет Л. Н. Болтовская.

Для нашего исследования трагедия также интересна тем, что в ней явно прослеживаются отсылки к самым разным книгам Библии. В первую очередь, это книга Иова. Другие книги Священного Писания тоже рассматриваются разными исследователями в качестве возможных источников. В целом, тема влияния Библии на трагедию И. В. Гёте «Фауст» является хорошо проработанной в гётеведении. Нам следует правильно расставить акценты, отметить наиболее важные утверждения, а также обратить внимание на

---

⁶ Волков И. Ф. «Фауст» Гёте и проблема художественного метода. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 263 с. – с. 255.

⁷ Болтовская Л. Н. К интерпретации образа Фауста в контексте западно-европейской и русской культуры [Электронный ресурс] // Христианское чтение. – 2013. – № 3. – с. 152

отдельные малоизученные аспекты, которые будут открываться в ходе исследования.

«Фауст» – то произведение Гёте, в котором поступки героев и их следствия опираются на ряд законов, очень созвучных законам, присутствующим в тексте Библии. Напряженное духовное противостояние внутри человеческой души, которое расширяется до уровня противостояния человека силам мира демонического, загробная жизнь, вопросы о том, что было в начале, прежде бытия мира – это и многое другое И. В. Гёте выстраивает именно на основе духовных законов, которые он берет из Священного текста. Рассказывая о своей жизни и о своих убеждениях, он неоднократно отмечает особую значимость Библии как источника нравственности и критериев определения добра и зла. «Что касается меня лично, то я любил и ценил эту книгу, ибо едва ли не ей одной был обязан своим нравственным формированием; в меня глубоко запали отобразенные в ней события, ее наставления, символы, притчи, и все это так или иначе продолжало на меня воздействовать»⁸, – пишет Гёте в своем автобиографическом сочинении «Поэзия и правда».

При работе над трагедией Гёте стремился создать особый мир, в котором ярко и необратимо действуют духовные законы. И Библия стала ему верным помощником, потому что именно в ней ее авторами изображен мир, где явно действует Бог, где во все время существования человечества, от Книги Бытия до Апокалипсиса, все события, а также их последствия происходят по особым правилам. Попробуем рассмотреть некоторые из них. Для начала, хотел бы обратиться к библейской идее воздаяния. Новый Завет рассматривает эту идею в контексте загробного существования: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25:48). Слова из книги Притч Соломоновых гласят, что человек может получить воздаяние от Бога уже в этой жизни: «Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый» (Притч. 11:8). Тот, кто ищет милости у Бога, а не

---

⁸ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман. – с. 232.

у людей, будет возвеличен Богом. Об этом говорят, например, следующие слова из книги Премудрости Соломоновой: «Надеющиеся на Него познают истину, и верные в любви пребудут у Него; ибо благодать и милость со святыми Его и промысление об избранных Его» (Прем. 3:9). Также Господь, если на то будет его воля, может вознаградить своего избранника благополучием и стабильностью. Об этом говорится в Псалтири: «Надеющийся на Господа, как гора Сион, не подвигнется» (Пс. 124:1). Человек стремится либо к доброму, либо к злему: либо нравственно совершенствуется, либо деградирует. Библия призывает людей постоянно возрастать в вере и добродетелях. Апостол Петр в своем Соборном Послании пишет такие слова: «Берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения, но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (2 Пет. 3: 17-18). Тема нравственности и моральных законов – важнейшая часть философии Гёте, что очень сближало его мысли с утверждениями Священного Писания. К этой теме он обращался в самых разных своих произведениях, и многое на эту тему есть в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся». Конечно, идеи чистоты и моральной ответственности присутствуют также и в «Фаусте». Бог не уничтожает грешников после того, как они совершили грех, а ждет, потому что не все еще потеряно, и человек еще может обратиться на путь покаяния. Об этом говорил Иисус Христос, и эти слова запечатлены в Евангелии от Матфея в притче о плевелах, где речь идет о том, что хозяин поля принял решение сохранить и добрые семена, и плевелы до времени жатвы (Мф.13: 25–30).

В созвучии с этими и другими законами Библии Гёте выстраивает законы в художественном мире трагедии, и, только понимая законы Библии, мы можем приблизиться к пониманию закономерностей происходящих в «Фаусте» событий.

Важным аспектом, который позволяет нам сопоставить законы Библии с законами трагедии Гёте, является тема борьбы добра и зла. «В “Фаусте” Гёте представляет нам образ человечества с его лучшими благородными стремлениями и его заблуждениями, образ его победы и его падения в вечно продолжающейся борьбе добра со злом»,⁹ – пишет Тимофей Буткевич. Как отмечают исследователи, Библия стала для Гёте моделью вселенной, которую он создает в своих произведениях, и, в частности, в «Фаусте». «Немаловажную роль в таком отношении и внимании к Библии сыграла эпоха Просвещения и мировоззрение старшего друга Гёте, И. Г. Гердера, который открывает Библию как синтез конкретного духовного и исторического опыта древнего народа и одновременно как великую модель универсума, как своего рода “второй мир”, в котором человек постигает себя самого»,¹⁰ – пишет Е. В. Гук. Влияние Гердера отмечает также другое исследование: «После своей встречи с Гердером в 1770 году он стал рассматривать Ветхий Завет не только как богатое хранилище древней поэзии – и он, и Гердер сделали свои собственные переводы “Песни песней”, – но и как исторический и антропологический документ, дающий ценное представление о первобытном восточном обществе». ¹¹

В своем автобиографическом сочинении «Из моей жизни. Поэзия и правда» Гёте неоднократно говорит о том, что духовный мир Библии был с детства близок его собственному опыту. Описывая свои детские переживания сильной грозы с градом, он отмечает, что природное явление «...предоставило непосредственную возможность познать грозного Бога, о котором так подробно повествует Ветхий Завет». ¹² В другом месте того же сочинения Гёте рассказывает о том, как он, будучи ребенком, решил

---

⁹ Религия, ее сущность и происхождение : (Обзор филос. гипотез) : В 2 кн. Кн. 1-2 / Прот. Т.И. Буткевич, проф. Харьк. ун-та. – Харьков: Харьков : тип. Губ. правл., 1902. -1 т. / 561 с.; 1904. - 2 т. / 451 с. – с. С. 533

¹⁰ Гук Е. В. Библия в художественном мире Гёте (замысел и философская проблематика «Фауста») // Сборник работ 66-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета. В 3 ч. Ч. 2. – Минск: БГУ, 2009. – С. 206-209. – С. 206.

¹¹ The Cambridge Companion to Goethe. Edited by: L. Sharpe. – Cambridge: University Press, 2002. – 277 p. – p. 219.

¹² Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 28.

воздвигнуть алтарь. Этому предшествовало осознание того, что Бог находится рядом, причем не как некое высшее существо, а как тот самый Бог, с которым явно соприкасались герои и авторы Библии. Гёте пишет о себе: «Мальчик твердо держался символа веры. Бог, который непосредственно связан с природой, который видит и любит в ней свое творение, это истинный бог, и, конечно же, он печется о человеке так же, как о движении звезд, о смене дня и года, о скотах и растениях. В некоторых главах Евангелия это написано черным по белому».¹³ О том, что юный Гёте воспринимал окружающие события под тем же углом, что и авторы Ветхого Завета, свидетельствует его реакция на вполне закономерное явление, когда от стоящих на пюпитре свечей обгорел декор. Гёте описывает свою реакцию следующим образом: «Это обстоятельство повергло юного жреца в крайнее смятение. Он даже готов был принять случившееся за указание и предостережение: сколь опасна попытка таким путем приблизиться к Богу».¹⁴ Так, в Библии подобным образом были наказаны, например, Оза и Саул. Примечательно также то, что Гёте вспоминает эти эпизоды спустя уже много лет, и говорит об этом не иронизируя над своим детским впечатлением, а вспоминая об этом, как о значимом и важном для него опыте. Существование духовного мира, созвучного законам Библии, осознавалось им как в детстве, так и в зрелом возрасте, и именно поэтому мы находим рецепцию библейских законов в его произведениях.

Следующая важная мысль, которую необходимо отметить: обращаясь к теме духовного мира, Гёте расширяет границы того, о чем может знать человек. Так, в «Прологе на небе» приведен диалог Бога и сатаны. Это является очевидным указанием на то, что Библия была источником вдохновения для Гёте при написании трагедии. Если мы обратимся к Библии, то увидим несколько фрагментов, где Бог разговаривает с дьяволом. Это, во-первых, Книга Иова. «"Пролог на небесах" явно смоделирован по библейской

---

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40.

книге Иова».¹⁵ В этой книге диавол говорит Богу, что его верный раб Иов не по-настоящему любит Бога, а прославляет его лишь по той причине, что его жизнь безмятежна и размеренна. Бог же разрешает диаволу испытать веру Иова, и тот, будучи лишенным всего и сраженный недугом, не отрекается от Бога и сохраняет ему верность. Во-вторых, подобный диалог присутствует в Новом Завете: в Евангелии описывается, как диавол приступил в пустыне к Иисусу Христу и трижды его искушал. Христос отвергает все эти искушения, и диавол отступает от Него. Диалог Бога и сатаны, касающийся непосредственно судьбы Фауста, сразу погружает читателя трагедии в особый мир, имеющий с миром Библии очевидные сходства. Так, именно Бог попускает Мефистофелю приступить к Фаусту, чтобы искушать его, как некогда сатане было позволено испытывать Иова. Господь верит в то, что Мефистофель не сможет сбить Фауста с избранного пути. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что философский взгляд Гёте на эту проблему следующий: человек верит в Бога, но, при этом, и Бог верит в человека, что является основополагающим принципом христианского гуманизма. «Гёте приходит к более масштабным выводам: существует обоюдное движение Бога и человека (божественного начала в нем) друг к другу»,¹⁶ – пишет Е. В. Бурмистрова. При этом, важно понимать, что сюжетное сходство с Книгой Иова не умаляет художественного своеобразия трагедии: «Сюжетное подобие не обозначает однообразия произведений, но позволяет рассмотреть их в контакте друг с другом».¹⁷

1.2. Свободен ли Фауст?

---

¹⁵ The Cambridge Companion to Goethe. Edited by: L. Sharpe. – Cambridge: University Press, 2002. – 277 p. – p. 90.

¹⁶ Бурмистрова Е. В. Символика природных стихий в лирике Гёте // Вестник СПбГИК. 2011. №3. - с. 100.

¹⁷ Боднар И. Г. Ветхозаветная книга Иова и трагедия Гёте «Фауст»: сопоставительный анализ сюжетных структур // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб: Реноме, 2013. - с. 16.

Ключевым событием трагедии является сделка между Фаустом и Мефистофелем. В этот момент жизнь главного героя резко меняется: он теряет свою свободу в библейском ее понимании и теперь полностью зависим от воли Мефистофеля. «Овладев всеми науками и всеми областями человеческого знания, маг по своей доброй воле встал на порог безумия и вечной муки. Между простым смертным и силами ада заключается договор»,¹⁸ – пишет Л. Руикби.

«Фауст» продолжает линию, которая начата неизвестным автором Книги Иова. «Дважды сатана приближается к Иову, и невольно читатель ждет третьего раза. Причем вполне понятно, каким должно быть это третье искушение. В первый раз сатана прикоснулся к семье и имуществу Иова, потом к его телу. Осталось прикоснуться к душе... Но именно это Бог сатане запретил. Эту литературную незавершенность Книги Иова почувствовал Гёте. Его Мефистофель начинает там, где остановился библейский сатана. Ему Бог дает гораздо больше полномочий»,¹⁹ – пишет И. Г. Боднар. Действительно, Мефистофель, в отличие от дьявола в Книге Иова, имеет возможность воздействовать на духовный мир героя. При этом важно понимать два момента. Во-первых, что же все-таки является свободой в библейском понимании, а, во-вторых, что предшествовало сделке Фауста и Мефистофеля и почему он оказался готов на соглашение с воплощением зла.

Фауст, находясь в своем кабинете, читает текст Евангелия. Первая строчка пролога Евангелия от Иоанна «В начале было Слово» (Ин. 1:1) заменяется на слова, которые являются отражением проповеди не христианства, а совсем другой «религии» – такой, проповедником которой является вовсе не Христос. «В начале было дело»²⁰, – утверждает Фауст.

Это высказывание отдаляет Фауста от понимания истин христианства. Евангелие перестает быть для него источником познания, а истина теперь,

---

¹⁸ Руикби Л. Фауст: пер. с англ. Д. Кунташова. – М.: Вече, 2012. – 416 с. – с. 5.

¹⁹ Боднар И. Г. Ветхозаветная книга Иова и трагедия Гёте «Фауст»: сопоставительный анализ сюжетных структур // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб: Реноме, 2013. - с. 17.

²⁰ Гёте И. В. Фауст. Трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 2. – 510 с. – с. 47

согласно его новому представлению, находится не в тексте Священного Писания, а в его разумении. Тем самым Фауст полемизирует с утверждением Евангелия.

И. Г. Боднар смотрит на этот вопрос следующим образом: «Фауст переводит Бога из Слова в Дело, открывая свою деятельную натуру и пытливость ума. Спор с библейским текстом перерастает в жизни героя в полемику с Богом и становится формой молитвы героя. Окруженный христианской религией, Фауст не признает ее».²¹ В исследовании Лаана звучит мысль, что Фауст решил сам стать творцом: «Фауст понимал, что слово, произнесенное Богом в Книге Бытия (“Да будет свет”), было в то же время деянием, божественным творческим актом, который вызвал мир к существованию, и поэтому делает то же самое деяние своей целью. Он жаждет видеть себя Логосом, Деятелем, тем, кто сотворит мир и в то же время овладеет божественной мудростью. Однако вера не сопутствует толкованию Фауста».²² И в этот момент Фауст уподобляется дьяволу, которого предание Церкви именует «обезьяной Бога».

Некоторые исследователи видят здесь социальный аспект: считают, что в основе слов, которые вкладывает Гёте в уста Фауста, заключается отражение мироощущения людей, вступающих в новую эпоху исторического развития. «Это было время, когда прогрессивная Европа в лице революционной Франции осуществляла решительную ломку старого мира и открывала новую эру человеческой истории, когда вырвавшиеся на исторический простор стихийные силы общественной практики разбивали одну идеологическую предустановленность за другой, когда становилось очевидным, что историческое значение и отдельной человеческой личности, и целых общественных движений определяется прежде всего по тому, что они делают, а не по тому, что они о себе говорят. Только под

---

²¹ Боднар И. Г. Ветхозаветная книга Иова и трагедия Гёте «Фауст»: сопоставительный анализ сюжетных структур // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб: Реноме, 2013. - с. 18

²² J. M. van der Laan. Seeking Meaning for Goethe's Faust. – New York: Bloomsbury Academic, 2007. – 202 pp. – p. 53

непосредственным воздействием этого революционного исторического опыта могли сложиться стихи, в которых Фауст переворачивает смысл библейского изречения “В начале было слово”, заменяя его в своем переводе “Нового завета” на выражение “В начале было дело”»,²³ – пишет И. Ф. Волков. Но думается, что на мироощущение современников Гёте могли повлиять не только революционные движения, но и экономические преобразования. Так, на смену мануфактурам приходят зарождающиеся промышленные предприятия, а на смену общинной жизни – порядок, где каждый несет за себя личную ответственность. Действительно, умалется роль общины, в которой растворен человек, и возвышается значимость дела, личного призвания, профессии. Только исполняя свой долг перед обществом, человек в полной мере социализируется и строит свое будущее. Об этом подробно пишет Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма»: «Религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как “дух” капитализма».²⁴ М. Вебер также подробно рассматривает термин *Beruf* (Calling).²⁵ Это профессиональное призвание человека, его дело, исполняя которое, он служит Богу и людям. Именно в этом термине, согласно М. Веберу, заключается протестантская нравственная квалификация «мирской» профессиональной деятельности. Все это очень важно для рассмотрения в «Фаусте» нового типа героя, который изображен почти независимым от людей, которые его окружают, а также от церковного сообщества. Да, герой сталкивается с тяжелыми эмоциональными переживаниями и почти совершает самоубийство, однако продолжает жить

---

²³ Волков И. Ф. «Фауст» Гёте и проблема художественного метода. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 263 с. – с. 207.

²⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / Избранные произведения: Пер. с нем. // Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с. - с. 134

²⁵ Там же. – с. 42 - 43

так, как жил, самоотверженно продолжая научные изыскания, то есть реализуя себя в своей профессии, в призвании.

Некоторые исследователи обращают внимание на то, чем занимался Фауст еще до заключения сделки с Мефистофелем. Так, он проводил алхимические опыты, призывая на помощь духов природы. «При создании трагедии “Фауст” Гёте вводит в произведение сцену призыва природных духов. В этой сцене Гёте использует принятые среди алхимиков аллегорические образы духов природы – ундина, саламандра и др. Назван и источник, к которому обращается Фауст – каббалистическая книга заклинаний “Ключ Соломона” (1686)»²⁶, – пишет Е. В. Бурмистрова. Этот эпизод – прямая связка со сделкой с Мефистофелем, так как с точки зрения христианства «духи природы» воспринимаются как часть демонического мира. Евангелие рассказывает о бесноватых, людях с полностью подавленной человеческой волей. Бесноватые в Евангелии даже говорят не сами и не своими голосами, а за них говорят бесы, находящиеся внутри них.

В исследовательской литературе также обращается внимание на то, что сам Гёте интересовался алхимическими трактатами. «С алхимическими трактатами Гёте познакомился в кругах пиетистов – религиозной секты, активно использовавшей средневековые мистические и алхимические трактаты, находя в них новый, христианский смысл (например, очищение человека от грехов сравнивалось с превращением *materia prima* в золото, а Святой дух в радикальном пиетизме мыслился как женское начало). Знакомство Гёте с пиетистской доктриной относится к периоду, когда Гёте в Лейпциге общается с Сусанной фон Клеттенберг».²⁷

В исследовании К. Диенста звучит мысль, что во-многом алхимические увлечения Гёте способствовали тому, что он отдалился от Церкви и встал на путь самостоятельного определения и удовлетворения своих духовных запросов: «Этот кружок также сыграл важную роль в отходе Гёте от

---

²⁶ Бурмистрова Е. В. Символика природных стихий в лирике Гёте // Вестник СПбГИК. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-prirodnih-stihiy-v-lirike-gete> (дата обращения: 05.10.2022). - с. 96 – 101. – с. 99.

²⁷ Бурмистрова Е. В. Символика природных стихий в лирике Гёте // Вестник СПбГИК. 2011. №3. – с. 97

христианской общины как юридически упорядоченного религиозного общества в сторону индивидуально избранных религиозных сообществ, заботящихся о своих особых духовных потребностях»²⁸.

При этом важно понимать, что Фауст знает способы противоборства демонической силе. Так, чувствуя, что бесы собираются подойти к нему, он говорит о том, что бесы изгоняются силой Иисуса Христа:

Глазами своими
Бесстыжими, враг,
Прочтешь ли ты имя,
Осилишь ли знак
Несотворенного,
Неизреченного,
С неба сошедшего, в лето Пилатово
Нашего ради спасенья распятого?²⁹

И другую фразу, где прочитывается новозаветное учение о Боге в трех Лицах:

Я сделать все могу
Еще с тобой, несчастный!
Я троицей сожгу
Тебя триипостасной!³⁰

Гёте предлагает вниманию читателя обзор ситуации, в которой человек все больше погружается во власть греха. Так, Фауст поддается на искушения Мефистофеля. Все начинается относительно безобидно, однако уже через совсем небольшое количество времени он убивает Валентина, тем самым совершая уже действительно серьезный грех. Далее ученый уже не особенно задумывается над тем, слушать ему голос Мефистофеля или нет. Он с ним соглашается теперь почти всегда, тем самым прекращая пользоваться собственным рассудком.

---

²⁸ Dienst K. Zur Religion des jungen Goethe // Journal für Religionskultur. – 1999. – Nr. 30. – S. 1-15.- S. 5

²⁹ Гёте И. В. Фауст. Трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 2. – 510 с. – с. 49

³⁰ Там же

И такое понимание человеческой свободы является вполне библейским по духу. Именно в Библии, во многих ее книгах, излагаются описания того, как грех сначала влечет человека к себе, а затем тот теряет силы ему противостоять. И, таким образом, человек лишается дара внутренней свободы и становится служителем греха: «Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха» (Ин. 8:34). Также стоит вспомнить эпизод из Книги Бытия, первой книги Библии, где Каин убивает своего брата Авеля. В тот момент, когда Каин задумывает совершить убийство, к нему обращается сам Бог: «Почему ты огорчился? И отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4: 3-8). Подобным же образом описываются и размышления в «Фаусте». Так, главный герой стремится преодолеть собственное душевное смятение, которое чуть было не привело его к самоубийству. Как к Каину перед убийством Авеля был обращен голос Божий, так и к Фаусту перед его личной трагедией обращался Бог, сначала через пасхальный колокольный звон церкви, расположенной неподалеку от его дома, а затем через страницы Священного Писания Нового Завета. Фауст собирается углубиться в чтение Евангелия:

Но вновь безволье, и упадок,
И вялость в мыслях, и разброд.
Как часто этот беспорядок
За просветленьем настает!
Паденья эти и подъемы
Как в совершенстве мне знакомы!
От них есть средство искони:
Лекарство от душевной лени —
Божественное откровенье,
Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты

Страницы Нового завета.
Вот, кстати, рядом и они.
Я по-немецки все писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.³¹

Евангелие герой Гёте рассматривает в данном случае как средство против душевной лени, то есть от такого состояния, когда человек духовно расслаблен, и к нему в этот момент может приступить диавол, склоняя его ко греху. Однако, Фауст, помимо того, что увлечен алхимическими опытами, которые Церковь не приветствовала, и общением с духами, пытается на свой лад переделывать текст Евангелия. Тем самым он не приближается к истине, которую хранит этот текст, а, напротив, отдаляется от нее. И все это приводит к развязке: Фауст готов заключить договор с Мефистофелем.

1.3. Сотериологический аспект духовного мира «Фауста»

Еще одной важной точкой в жизни Фауста становится убийство Валентина, брата Маргариты. Убийство невинного человека – иллюстрация того факта, что Фауст не вполне владеет собственным рассудком. В тексте трагедии прямо видно, что Фауст убивает Валентина именно потому, что ему это велит сделать Мефистофель, что, конечно, соответствует его злонамеренности. «После совершения убийства душою Фауста овладевает уже бесчисленное множество страстей и греховных похотей. Фауст стал рабом греха. Страсти и похоти бушуют и неистовствуют в его душе. Маргарита была оставлена и забыта; “вечная любовь” исчезла; “страсти бесконечной” положен конец. Место Маргариты заняли новые предметы

---

³¹ Гёте И. В. Фауст. Трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 2. – 510 с. – с. 46-47

греха; душою Фауста овладели новые чувственные страсти», – пишет Тимофей Буткевич.³²

Интересный элемент художественного мира трагедии – путь Маргариты. Девушка старается любить Бога, заповеди и церковь, а также всеми силами противостоять соблазнам. Важно, что Маргарита испытывает неприязнь к Мефистофелю, чувствуя, что, по крайней мере, с ним что-то не совсем так. Более того, она обращается и к Фаусту со словами сожаления, что тот не является полноценным христианином:

Ты прав как будто поначалу,
А присмотреться — свет Христов
Тебя затронул очень мало.³³

Так, действительно, Маргарита сожалеет, что Фауст не верит так, как учит Священное Писание, а мы видим отношение Фауста к Библии на примере его разбора Евангелия от Иоанна. Кроме того, герой не посещает Церковь и не участвует в таинствах. Так, Маргарита пользуется совершенно библейскими и христианскими критериями для того, чтобы рассмотреть мятущийся внутренний мир своего избранника.

В одном из своих стихотворений (1814-1818) Гёте пишет:

Если истины ты ждешь,
В Боге истину найдешь.
Кто в любви и чист и строг,
Тех, любя, отметит Бог.³⁴

Это стихотворение, как и образ Маргариты, приоткрывает нам образ праведника в представлении Гёте. Действительно, Маргарита опиралась на христианские истины, а также проявляла строгость рассуждения, несмотря на чувства. И это особенным образом выделяет ее из всех героев трагедии.

---

³² Религия, ее сущность и происхождение : (Обзор филос. гипотез) : В 2 кн. Кн. 1-2 / Прот. Т.И. Буткевич, проф. Харьк. ун-та. – Харьков: Харьков : тип. Губ. правл., 1902. -1 т. / 561 с.; 1904. - 2 т. / 451 с. – с. С. 551-552

³³ Гёте И. В. Фауст. Трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 2. – 510 с. – с. 133

³⁴ Гёте И. В. Стихотворения / пер. с нем. // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 1. – 528 с. – с. 350

Кроме того, благодаря образу Маргариты еще более явно виден замысел Гёте показать, что человек не способен на земле противостоять сатанинским искушениям, в данном случае, воле Мефистофеля.

В конце первой части голос свыше возвещает, что Маргарита спасена. Существуют разные версии того, почему Гёте несмотря на разного рода проступки Маргариты, все-таки спасает ее. На мой взгляд, основная причина заключается в том, что Гёте переносит в художественный мир трагедии библейское представление о том, что Бог оценивает каждого человека не только по делам, но и по намерениям сердца. Об этом говорится в самых разных местах Священного Писания. В Книге пророка Иеремии звучат следующие слова: «Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его» (Иер. 17:10). И, конечно, стоит вспомнить слова из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Гёте, создавая литературный мир трагедии, берет за основу именно библейское представление о том, как человек способен с помощью Божией или противостоять греху (как это делает или, по крайней мере, пытается делать Маргарита) или оказаться в состоянии духовного падения, потеряв дар свободы, важнейшую составляющую образа и подобия Божьего в человеке. Библия утверждает, что человек имеет определенные черты, присущие Богу, но не присущие другим творениям: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Быт. 1:26). Также Библия говорит о том, что человек призван к свободе, так, мы встречаем следующее утверждение апостола Павла: «Братья мои, вы призваны к свободе, так не злоупотребляйте же этой свободой и не идите на поводу вашей греховной природы, а, наоборот, служите друг другу с любовью»³⁵ (Гал. 5:13) .

Продолжая размышлять в данном направлении, можно предполагать, что Гёте спасает Маргариту от ада не только по причине намерений ее

---

³⁵ Библия. Новый русский перевод — Библия: <https://bible.by/nrt/> Biblica, Inc.®, 2006, 2010, 2012, 2014 — Новый Русский Перевод

сердца, а также потому, что Бог сам попустил Мефистофелю приступить к Фаусту и воздействовать на его душу, а следовательно, раз Бог является первопричиной того, что с Маргаритой все произошло именно так, то он и спасает ее от вечных мук в аду.

Однако, нельзя говорить о том, что Гёте следует во всем исключительно библейской парадигме. Библейский мир нужен ему для того, чтобы читатель понимал, как работают духовные законы, что должно произойти после того или иного поступка какого-либо из героев. А если это не происходит, то читатель пробует понять почему. Фауст не растворяется в мире духовных законов, как можно было бы подумать, а является самобытной личностью, стремящейся познавать мир. Именно тандем Фауста во всем его своеобразии и Мефистофеля, который требует от него меньше думать о последствиях, формируют происходящие события. И. Г. Боднар описывает это следующим образом: «Гордый фаустовский порыв, соединяясь с мефистофельской решительностью в практических делах, оказывается тем рычагом, который приводит в конечном итоге Фауста к движению, поиску и развитию. Однако как сатана древнего текста, так и Мефистофель, проигрывая спор, оказываются побежденными Богом».³⁶

Книга Иова помогает читателю глубже вникнуть в смысл финала трагедии. Главный вопрос: почему же Фауст не попадает в ад? Что делать в раю, в богообщении человеку, который все последние дни своей жизни действовал не по своей воле, а исполняя приказы Мефистофеля? Известно, что Библия определяет критерии, соответствия которым человек заслуживает загробной жизни в Царстве Небесном. Однако Фауст далек от образа библейского праведника. Чего стоит одно только убийство невинного Валентина и не принесенное за это покаяние. Однако, мы ориентируемся на Книгу Иова. Господь попустил диаволу сделать с ветхозаветным праведником все, кроме причинения вреда его душе. В трагедии же, согласно замыслу

---

³⁶ Боднар И. Г. Ветхозаветная книга Иова и трагедия Гёте «Фауст»: сопоставительный анализ сюжетных структур // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб: Реноме, 2013. - с. 18

Гёте, Мефистофель получает от Бога полномочия воздействовать также и на его душу. И, поскольку человек своими силами не может противостоять силам зла, Бог спасает от ада душу Фауста. Концовка трагедии становится значительно более понятной. «Мефистофель выполняет свою работу по разращению героя и, надеясь получить законную добычу — его душу, оказывается перед неожиданным финалом: являются ангелы и уносят душу Фауста. Неожиданностью это может показаться и для читателей, забывших “Пролог на небе”. Бог изначально считает Фауста Своим слугой. Но по просьбе Мефистофеля снимает Свою благодатную защиту с души героя. Фауст остается один на один с “духом сверхчеловечески умным и злобным”, по словам Достоевского. При таких условиях человек всегда проиграет. Поэтому Бог и не винит Фауста. Библейская формула “Бог дал — Бог взял” в “Фаусте” обретает свой смысл: Бог дал Фауста Мефистофелю, Бог же и забрал героя из лап сатаны»³⁷, — пишет И. Г. Боднар.

В других исследованиях звучит мысль, что спасение Фауста плохо соотносится с христианским сотериологическим взглядом: «Фауст может избежать когтей Мефистофеля и вечного проклятия, но его спасение по своей природе не совсем религиозно».³⁸ Гёте действительно уделяет величину человеческого духа столь большое значение, что религиозный взгляд как бы отступает на второй план. Однако, принимая во внимание параллели между Книгой Иова и «Фаустом», мы можем говорить о том, что все же Гёте предпочитает работать в границах библейских представлений, хотя и добавляет то, что не произошло, домысливая по-своему сюжет книги Иова. В исследовании Эллис Дай высказывается мысль, что исследователь должен обращать внимание не только на христианские идеи, но и на идеи, характерные для эпохи Возрождения: «”Фауст” содержит как христианские, так и нехристианские идеи, и они выражены как в ортодоксальной, так и в

---

³⁷ Боднар И. Г. Ветхозаветная книга Иова и трагедия Гёте «Фауст»: сопоставительный анализ сюжетных структур // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). — СПб: Реноме, 2013. - с.18

³⁸ J. M. van der Laan. Seeking Meaning for Goethe's Faust. — New York: Bloomsbury Academic, 2007. — 202 pp. — p. 140.

неортодоксальной формах. Неоднозначное соотношение изящества и “добрых дел”, широко понимаемое как упорство или смелость, является наследием эпохи Возрождения». ³⁹ Действительно, Фауст, человек новой эпохи, попадает в мир библейских законов, где должен будет проявить свои лучшие качества.

В своей трагедии «Фауст» Гёте изображает то, как человек нового времени, обладающий силой духа, талантами и большим трудолюбием, вступает во взаимодействие с демоническим миром, оказывается в эпицентре борьбы добра и зла, которая достигает своей кульминационной точки. И мы действительно можем говорить о том, что мир трагедии вдохновлен Священным Писанием как в силу того, что сама идея трагедии очень созвучна библейским идеям, так и потому, что герои Гёте живут по библейским законам, которые автор воссоздает в художественном мире своего произведения.

---

³⁹ Dye E. Love and Death in Goethe: “One and Double”. – Rochester: Camden House, 2004. – 333 pp. – p. 237

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В РОМАНЕ «ГОДЫ СТРАНСТВИЙ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА, ИЛИ ОТРЕКАЮЩИЕСЯ»

2.1. Образ святого семейства

Далее мы проведем анализ библейских мотивов в романе И. В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (*Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden*, 1829), написанный им в самом конце жизни. Это удивительное по своей структуре произведение, по факту являющееся собранием новелл, скрепленных общим сюжетом путешествия Вильгельма Мейстера, включает в себя несколько ярких зарисовок, вдохновленных библейским текстом. В отличие от трагедии «Фауст», не так много исследователей уделяют внимание рассмотрению параллелей романа и текста Священного Писания. Серьезная проработка этой темы – задача будущих германистов, изучающих творчество И. В. Гёте. В данном исследовании мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких основных аспектов, касающихся библейского влияния на роман.

Анализируя текст данного романа в целом, мы можем говорить о том, что он является метатекстом по отношению к Библии и к культуре христианской Европы, возросшей на основе Библии и христианства в Средние Века. Большое количество отсылок к библейскому тексту, а также к читательскому пониманию, дает читателю возможность погрузиться не только в мир самого произведения, но и в мир библейских и христианских смыслов и образов. И без анализа такого рода изучение этого романа не может претендовать на полноту.

Первый эпизод, который мы встречаем в самом начале романа, определенно указывает на то, что в его основе лежит именно библейский образ. Странники встречают некую семью, которая буквально во всем, как в серьезных вещах, касающихся мировосприятия и образа жизни, так и в мелочах, подражает святому семейству праведного Иосифа Обручника и

Девы Марии, которые были земными родителями Иисуса Христа. Нам важно детально рассмотреть этот образ, разобрать, к каким текстам кроме Евангелия обращается Гёте, а также попытаться ответить на вопрос, какое значение имеет этот эпизод в тексте произведения, что самое важное он привносит в художественный мир романа.

Итак, в первых главах романа читателю предстает живое изображение святого семейства – управляющий имуществом Иосиф, его жена Мария и дети. Все они выстраивают свой образ жизни по подобию семьи, в которой воспитывался Христос. Примечательно, что дети Иосифа, а также присоединившийся к ним Феликс держат в руках корзины и пальмовые ветви. Однозначно ответить на вопрос, почему именно пальмовые ветви, сложно. Мотивировка практического применения пальмовых ветвей в быту кажется маловероятной. Можно обратить внимание на евангельское повествование о Вхождении Иисуса Христа в Иерусалим. У Золотых ворот собралось множество людей. Дети срывали пальмовые ветви с деревьев, встречая Мессию. Люди постилали свои одежды под ноги осленку. Мы можем предположить, что и дети Иосифа из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» носят при себе пальмовые ветви именно в связи с этим евангельским событием. Предположение, что Гёте заимствовал пальмовые ветви с какой-либо из известных картин святого семейства или бегства в Египет, кажется маловероятным: пальмовые ветви в руках на картинах не держат ни дети, ни Иосиф, ни Мария.

Известно, что в Германии широко праздновалось пальмовое воскресенье. В этот праздник дети надевали праздничные костюмы и брали с собой в храм заранее изготовленные букеты. Это действие, а также разного рода театральные представления с ослом, с шествиями и специальными костюмами, проходившие в разных регионах Германии, говорят нам о том, что Гёте не мог об этом не знать. Возможно, пальмовые ветви в руках детей, согласно авторскому замыслу, дополняют образ детей святого семейства

ярким евангельским элементом, символизирующим радость в честь пришествия Мессии.

Однако не только рецепция евангельских глав лежит в основе повествования о святом семействе. Гёте приводит интересный апокрифический эпизод, в котором Иосиф Обручник и отрок Иисус чудесным образом увеличивают размер трона царя Ирода. Этот эпизод приведен как рассказ Иосифа о том, как картина, висящая в часовне, укрепляла его в стремлении стать хорошим плотником. В этом заключается некий особый символический и мистический смысл, потому что как Христос помогал Иосифу Обручнику, так Бог поможет и Иосифу Второму в его плотницких трудах. Через этот эпизод автор показывает благочестие героя и его отношение к собственной жизни. Так, его жизнь и жизнь его семьи не разделяется на религиозную и светскую, а является полностью служением Богу, который сам принял человеческую природу и помогал Иосифу Обручнику в трудах плотника.

Этот интересный рассказ про чудо с троном царя Ирода мы находим в арабском евангелии детства Спасителя – апокрифе, который впервые был опубликован кембриджским профессором Генрихом Сайком. Найденную рукопись перевели на латинский язык, и в 1697 году апокриф увидел свет. И Гёте вполне мог быть знаком с ним. «На протяжении XVIII – первой трети XIX вв. латинский перевод Г. Сайка многократно переиздавался в Англии и Германии в составе различных антологий новозаветных апокрифов»⁴⁰, – пишет Скогорев А. П. Скорее всего, Гёте заимствовал этот эпизод из евангелия детства Спасителя, возможно, напрямую, а, возможно, увидев живописную работу, написанную по мотивам этого апокрифа.

Еще один апокрифический по своему происхождению эпизод представлен на следующей картине, которая находится в монастыре Святого Иосифа. На ней изображено множество обтесанных брусьев, которые

---

⁴⁰ Скогорев А. П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. – СПб.: Алетейя, 2000 – с. 139

планируют сложить в сруб. Два бруса составили крест, и младенец Иисус уснул на кресте. Иосиф, чтобы не разбудить младенца, даже прерывает работу. Вопрос происхождения этого апокрифа является сложным, и еще ждет своего решения.

Таким образом, мы видим в романе не просто детализацию евангельского повествования о святом семействе, а художественное видение, дополненное пальмовыми ветвями, взятыми из главы Евангелия про вход Господень в Иерусалим, а также повествованиями из других древних текстов.

Апокрифы нужны автору романа, в первую очередь для того, чтобы более ярко и разнообразно представить жизнь Святого Семейства и детские годы Спасителя, о которых в канонических евангелиях совсем немного сведений. Евангелия от Иоанна и Марка вовсе не предлагают нашему вниманию повествований о Рождестве Христовом. Евангелие от Матфея описывает события Рождества Христова и сопутствующие им происшествия достаточно кратко, обозревая лишь самое основное. Евангелие от Луки не намного подробнее описывает события Рождества Иисуса Христа, однако предлагает описание интересного события, произошедшего с отроком Иисусом во время путешествия с родителями в Иерусалим. Родители потеряли его в пути, думая, что он идет с кем-то из знакомых, а потом нашли его в Иерусалимском храме в окружении мудрецов. Это единственный раз, когда евангелист рассказывает о событии из жизни Иисуса Христа между бегством Святого Семейства в Египет и его явлением на реку Иордан к Иоанну Крестителю.

Исходя из этого, мы можем предположить, что Гёте не удовлетворился сугубо евангельским описанием Святого Семейства, поэтому он и обращается к апокрифическим повествованиям о жизни Иисуса Христа. Наше предположение покажется более убедительным, если мы рассмотрим историю формирования апокрифов. Целый ряд апокрифических евангелий описывает события, происходившие с Иисусом Христом в младенчестве, детстве и юношестве, а также события, произошедшие до Рождества

Христова. Таким образом, многие авторы, начиная с I века, стремились заполнить ту таинственную пустоту, которая была связана со слишком лаконичным и схематичным повествованием канонических евангелий. И Гёте для создания яркого художественного образа, обращается, помимо Евангелий от Луки и Матфея, также к апокрифическим текстам. Однако основой первых глав, изображающих Святое Семейство, является именно Евангельское повествование. Апокрифические и художественные образы лишь нанизываются на эту канву. Кроме того, бегство Святого Семейства – тот эпизод Библии, который посвящен теме странничества. Эту тему и этот образ жизни Гёте описывает в событиях своего романа, а значит, возможно, именно поэтому его особым образом заинтересовали эти библейские главы.

Кристиан Миттермюллер, посвятивший роману «Годы странствий Вильгельма Мейстера» достаточно объемное исследование, особенно отмечает место глав о блаженном Иосифе в общем художественном плане романа. Так, в том, что Иосиф как бы теряет индивидуальное лицо из-за своего имени, которое как раз и должно, как любое имя человека эту индивидуальность подчеркивать, содержится ирония: «Собственное, индивидуальное, аутентичное теряется в символически опосредованной отсылке к заранее определенному. Тот факт, что эта модель поведения, как это ни парадоксально, инициирована именно значением уникального и самобытного по преимуществу имени собственного, с самого начала выставляет историю Иосифа в ироническом свете». ⁴¹ Ирония заключается не только в этом, но и в том, что, несмотря на длительный период почитания Святого Семейства, Иосифу Второму так и не удается по-настоящему внутренне понять тайну евангельской истории, которая началась в Вифлееме, а продолжилась в Египте и Назарете, в бегствах и скитаниях. На смену безмятежности приходит время тяжелых испытаний для Иосифа и Марии – время их борьбы за то, чтобы Богомладенец смог остаться в живых. «Иосиф

---

⁴¹ Mittermüller C. Sprachskepsis und Poetologie: Goethes Romane «Die Wahlverwandtschaften» und «Wilhelm Meisters Wanderjahre». – Tübingen: Walter de Gruyter, 2008. – 234 s. - S. 169.

Второй моделирует свою социализацию по некоторым образно зафиксированным отдельным моментам из жизни святого Иосифа, не принимая во внимание внутреннее содержание и телеологическую направленность библейской истории спасения»⁴², – пишет К. Миттермюллер. Например, сосредотачивая внимание на изготовлении трона царю Ироду, Иосиф должным образом не отдает себе отчета в том, что, возможно, перед этим самым троном Христос предстанет тогда, когда будет судим.

Иосиф старается приблизиться к Богу посредством восприятия внешних образов, ясно выраженных в картинах, а также в рассказах Евангелия и апокрифов, однако в его мировоззрении нет той полноты, которая необходима праведнику. К тому, от чего Иосиф отстоит далеко, удается приблизиться Вильгельму Мейстеру, который в педагогической провинции слушает рассказ о проповеди Спасителя, а также о Его Страданиях.

2.2. Педагогическая провинция как рецепция Мамврийской дубравы

Второй эпизод появляется значительно позже, в начале Второй книги, тогда, когда странники уже обошли достаточно большое количество мест. Так, приходя в одну из провинций – в педагогическую провинцию – они читают адрес на письме: «Главному либо Троиим». Достигнув этого места, они оказываются на поляне, окруженной деревьями, где имеют разговор с Тремя. Главный либо Трое – аллюзия на тот момент, когда Авраам и Сарра приняли трех мужей в Мамврийской дубраве. Книга Бытия описывает эту теофанию достаточно подробно: «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер [свой], во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер [свой] и поклонился до земли, и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего» (Быт.

---

⁴² Там же, s. 170

18: 1-3). Далее Авраам угощает странников лучшей едой, при этом, в знак особого почтения, не ест с ними. Затем Бог в образе трех странников говорит Аврааму, что у них с Саррой родится сын. Затем странники повторяют обетование еще раз ради Сарры, которая, будучи женщиной преклонного возраста, внутренне сама в себе рассмеялась.

Гёте меняет роли в библейском событии, так как в его романе сам герой приходит к Главному либо Троице, а не наоборот. Однако, автор моделирует библейскую дубраву, образ некоей тайны, образ отделения от мира места, где Бог является человеку: «Вильгельм очутился на широкой зеленой поляне, затененной деревьями и кустами разных пород; их высокая, вольно растущая чаща почти заслоняла от глаз стройные стены и внушительные строения».⁴³ Так, целый ряд локаций, в которых Бог в Ветхом Завете являлся людям, был огражден от мира. Гора Синай, скиния, Святая Святых Иерусалимского храма, Мамврийская дубрава – все эти места отделены от остального мира естественными или искусственными преградами, что наделяет их значением особого священного места. Стоит отметить важный момент: все, что совершается в провинции, не подвергается критике внутри нее: «Педагоги Провинции утверждают собственные идеи как изначальный образец, как своего рода непогрешимость».⁴⁴

Разговор с Тремя ведется о сыне Вильгельма Мейстера, Феликсе. Трое говорят Вильгельму, что он может оставить сына на воспитание в педагогической провинции. Они разъясняют ему суть методики, с которой он уже был знаком благодаря надзирателю. В Библии происходит нечто похожее: главной темой разговора Авраама и Бога, явившегося в образе трех странников, стал будущий наследник Авраама и родоначальник еврейского богоизбранного народа, Исаак. Таким образом, Книгу Бытия и роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» объединяет еще и тема наследника,

---

⁴³ Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 8. – 462 с. – с. 136-137

⁴⁴ Фурсенко А. М. Концепция общества и поэтика фрагментарности в романе И. В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» // Сибирский филологический журнал. 2012. №1. - с. 102.

которую обсуждает отец и три человека, представляющие собой единое целое.

Разговор с Тремя следует рассматривать особым образом не только по причине присутствия библейской аллюзии на Книгу Бытия. В нем ясным образом отражена весьма примечательная мировоззренческая конструкция, отражающая итог размышлений Гёте о том, что есть истинная религия. Так, Трое разделяют на три части Никео-Цареградский символ веры и объясняют суть каждой из этих частей. Первая часть – этническая, вторая – философическая, третья – христианская. И именно эти три части, согласно повествованию Трех, в совокупности составляют истинную религию.

Первая часть религии, которую предлагают Трое, является религией этнической. Старейший из Трех показывает Вильгельму ряд картин, на которых изображены сходные события из истории разных народов. Особое внимание обращено на израильский народ. Главным текстом, повествующим об истории этого народа, является Библия. «Израильский народ был далеко не безгрешен, за что тысячекратно слышал упреки от своих предводителей, судей, старейшин и пророков; он не наделен достоинствами других народов, но делит с ними пороки; зато по самостоятельности, твердости, храбрости, а если этих свойств мало, то и цепкости, ему нет равных. Это самый упорный народ на земле, он был, есть и будет, дабы имя Иеговы славилось во все времена».⁴⁵ Этот фрагмент романа нам особенно важен, потому что, анализируя его, мы понимаем, что Гёте предпринимает попытку растворить библейскую историю израильского народа в мировой истории, и, таким образом, увидеть в истории других народов что-то, что было бы созвучно нравственному учению Библии.

При этом относительно религии Израиля делается оговорка: «Она не воплощает своего бога ни в каком образе и оставляет нам свободу придать ему достойное человеческое обличие, а божества идольские, напротив того,

---

⁴⁵ Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейнстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 8. – 462 с. – с. 141-142.

унизить звериными и чудовищными ликами».⁴⁶ Таким образом, по мнению Троицких, в истории разных народов мы можем увидеть сходные события, однако религия израильского народа, то есть библейская вера в Единого Бога лучше других религий дает нам возможность представить себе Бога в человеческом образе, а также отказаться от идолопоклонства.

Гёте предпринимает попытку сблизить историю народов разных стран мира для того, чтобы отделить Евангельское повествование от истории израильского народа: «Жизнь того богочеловека не стоит ни в какой связи с историей мира в его времена. Жизнь его была жизнью частного лица, а учение — учением для каждого в отдельности. Что происходит с целыми народами и с теми, кто их составляет, то и принадлежит всемирной истории и мировой религии, которую мы относим к первому роду. А происходящее в душе у каждого принадлежит религии второго рода, религии мудрых, каковой и была та, которой учил и которую исповедовал Христос, покуда странствовал по земле».⁴⁷ Так, проповедь Христа, согласно представлению Гёте, обращена к внутреннему миру каждого человека и не является частью истории израильского народа. Мысль о том, что Христос будет послан для спасения всех народов, звучит в книгах малых пророков, например, в книге пророка Иоилия: «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь» (Иоил. 2:32). «Спасение соделано Господом не только для народа, к которому относятся потомки Авраама, но и для всех народов»,⁴⁸ — пишет Р. Ю. Кузьмин.

В исследованиях подчеркивается мысль, что Гёте сознательно отделяет Ветхий Завет от жизни и проповеди Спасителя. Например, К. О. Конради обращает внимание на диссертацию Гёте, которая была отклонена по причине его несогласия с позицией официальной церкви по ряду вопросов, таких, как свобода личности в вопросах веры и ограничение роли догматов.

---

⁴⁶ Там же. С. 142.

⁴⁷ Там же. С. 143.

⁴⁸ Кузьмин Р. Ю. Царство Мессии в книгах малых пророков [Текст]: курсовая работа. — Спб, СПбДА, 2023. — 39 с. — с. 14.

Сыграло свою роль и его восприятие Ветхого Завета: «Гёте пытается доказать, что на скрижалях Моисея находились не десять заповедей, как утверждается в катехизисе, а лишь законы союза с богом, обязательные только для еврейского народа. Таким образом, теолого-христианское значение десяти заповедей было ограничено, а также и официальная церковная точка зрения, что каждое слово в Библии, как в Ветхом, так и в Новом завете, имеет всеобщее значение»,⁴⁹ – пишет К. О. Конради. В других исследованиях говорится о том, что в этом вопросе можно проследить влияние Гердера. «Представление о том, что Библия является носителем универсальной рациональной и нравственной религии (например, в вопросе Десяти заповедей), отвергается в пользу культурной теории Гердера, которая придает ценность конкретным и местным традициям», – пишет Николас Бойле.⁵⁰

Третья часть религии педагогической провинции является религией христианской и «зиждется на благоговении перед тем, что ниже нас».⁵¹ Для познания этой части религии в ее полноте человеку следует «признать унижение и бедность, глумление и поругание, презрение и несчастье, страдание и смерть божественными, почтить, что даже грех и преступление не только не мешают, но и способствуют святости, и за то почтить и возлюбить их».⁵² Евангелие повествует о том, что Иисус Христос не по своим грехам, а по грехам всех людей претерпел страдания на кресте и смерть. Христос, будучи Богом, отдал свою жизнь ради людей – тех, кто был создан им, а также имел грехи. И как Христос проявил чувство благоговейной любви ко всем людям, так и каждый человек, кто придерживается этой религии, должен проявлять чувство благоговения не только к Богу, но и к тем, кто равен тебе или ниже тебя. Гёте берет в основу евангельские идеи, ставя их на самую высокую ступень религиозного опыта и сопровождая их бэкграундом

---

⁴⁹ Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. I. Половина жизни. Пер. с нем./ Предисл. и общая редакция А. Гугнина. — М.: Радуга, 1987 — 592 с. — с. 163.

⁵⁰ Boyle N. Goethe. Vol. 1, The Poetry of Desire (1749-1790) : The Poet and the Age. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 807 pp. – p. 141.

⁵¹ Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейнстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 8. – 462 с. – с. 139.

⁵² Там же. С. 139.

из двух других частей истинной религии, которые приближают человека к христианским истинам. По мнению Гёте, человек в полной мере способен почувствовать подлинную жертвенность и любовь лишь тогда, когда он уже научился благоговению к тому, что выше него (этническая религия) и тогда, когда он низводит все высшее и возводит все низшее и ставит их наравне с собой, тем самым научаясь мудрости (философическая религия).

Отдельно стоит отметить то обстоятельство, что Гёте обращается к Евангелию, вспоминая, как во время Распятия Иисуса Христа на Голгофе померкло солнце. Эти события описаны в Евангелии от Луки: «Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: и померкло солнце, и завеса в храме раздралась по середине. Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух» (Лк. 23: 44-46). В романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Вильгельм не допускается до комнаты, в которой находятся изображения страданий Богочеловека. Тайна страданий Мессии доступна лишь тем, кто к этому готов: «Мы считаем предосудительной дерзостью выставлять орудие мучения и страждущего на нем святого на обозрение солнцу, которое скрыло лицо свое, когда бессовестный мир принудил его видеть это преступление».⁵³

Также мы можем предположить, что Гёте опирается не только на слова Евангелия от Луки, а на Пятикнижие Моисея. Оттуда мог быть заимствован образ комнаты, в которую вход был разрешен только раз в год. В Библии такой комнатой являются Святая Святых Скинни, и, позже, Иерусалимского храма. Об этом повествуется в Книге Исход: «И будет совершать Аарон очищение над рогами его однажды в год; кровью очистительной жертвы за грех он будет очищать его однажды в год в роды ваши. Это святыня великая у Господа» (Исх. 30:10). Также об этом ветхозаветном правиле пишет автор Послания апостола Павла к Евреям: «В первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую – однажды в год один

---

⁵³ Там же. С. 146.

только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа» (Евр. 9: 6-7).

Цитату из Послания к Евреям мы приводим не случайно, потому что разграничение комнат с картинами очень похоже на то, как разграничивает части Иерусалимского храма апостол Павел. Трое допускают в последнюю комнату, в «святая святых» их провинции, только раз в год и только особых людей: «Внешнее, общемирское — каждому с самых ранних лет, внутреннее, сугубо духовное и душевное — только тем, кто растет рассудительней других, а остальное, то, что отворяют лишь раз в год, может быть поведено только тем, кого мы готовим к выпуску». Хотя, конечно, «святая святых» педагогической провинции более доступна для посещения, чем святая святых Иерусалимского храма.

Уже известный нам К. Миттермюллер указывает на расхождения между пониманием тайны Креста Спасителя в церковной традиции и пониманием тайны последней комнаты в романе: «Любопытное толкование педагогами библейской истории страстей объясняется последовательным стремлением избежать всего неоднозначного. Крест как сложный центральный знак христологии, в котором сходятся истории страданий и спасения, по словам Старца, ассоциируется с простым костром мучеников. В ходе этой чисто материалистической интерпретации, которая отсекает все метафизические ссылки, смысловая добавочная ценность креста устраняется».⁵⁴ Действительно, Христос изображен в романе не столько как Спаситель человеческого рода, сколько как мученик, являющий пример подлинной жертвенности и величия духа. К тому же, религиозное воспитание в провинции завершается просмотром цикла картин о страстях Христовых. Тот факт, что Воскресение Спасителя должным образом среди картин не представлено, иллюстрирует расхождение между религиозными

---

⁵⁴ Mittermüller C. Sprachskepsis und Poetologie: Goethes Romane «Die Wahlverwandtschaften» und «Wilhelm Meisters Wanderjahre». – Tübingen: Walter de Gruyter, 2008. – 234 s. – s. 190.

размышлениями Гёте и христианским пониманием Евангелия, согласно которому крест и воскресение Иисуса Христа неразрывно находятся рядом.

К. Диемант отличает религию Гёте от религии просветителей и деистов: «Истинная религия для Гёте не идентична “естественной религии” в понимании английских деистов и философии Просвещения; но она также, по словам позднего Гёте, возвышается над тремя основанными на благоговении формами религии. Она представляет собой высшее единство, в котором они отменены. Истинная религия – это возвышение человека до полного, чистого человеческого состояния, в котором позитивные религии в целом участвуют, при этом три религии, основанные на благоговении, относятся к трем ипостасям Троицы».⁵⁵ Действительно, религия, представленная в педагогической провинции, является религией единой, но состоящей из трех ступеней. Цель данной религии – воспитание человеческого духа, становление человека на путь истинной любви и жертвенности, к пониманию которых прийти вовсе не так легко, если последовательно не проходить все представленные ступени. Отношение же трех ступеней к трем ипостасям Святой Троицы мы можем понимать следующим образом: религия Древнего Израиля почитала Бога Отца, а Сын и Святой Дух оставались как бы в тайне. Древнему человеку было сложно понимать тайну единого Бога в трех Лицах, поэтому религия была основана на исповедании единого Бога. Евангельская история – время, когда люди познали Сына, Слово Божие, Господа Иисуса Христа. Затем же, когда Христос вознесся на небо, община апостолов приняла Духа Святого.

При этом, что стоит особенно подчеркнуть, религия Гёте не является модализмом, учением, согласно которому Бог в разное время раскрывает себя в виде временных модусов. Три части его религии действуют одновременно, не отменяя одна другую, что делает его религию очень созвучной христианству. Ведь и в христианстве также принимается, что история человечества и история Израильского народа – это путь к Царству Мессии, к

---

⁵⁵ Dienst K. Zur Religion des jungen Goethe // Journal für Religionskultur. – 1999. – Nr. 30. – S. 1-15.- S. 8-9.

истинной любви, жертвенности и подлинному возвращению образа и подобия Божьего. Отличие заключается в том, что в учении христианской Церкви нет столь серьезно оформленной последовательности от почитания тех, кто выше тебя и кто находится наравне с тобой, к почитанию тех, кто слабее или ниже тебя. Тем самым, мы можем говорить о том, что Гёте, конструируя религию педагогической провинции, как бы дополняет христианское вероучение двухчастным бэкграундом, без которого невозможно прийти к осознанию подлинной сути жертвенного подвига Спасителя.

При этом Гёте воспринимает христианскую идею спасения не во всей ее полноте, поскольку жертвенный подвиг Христа и вера, согласно, например, учению апостола Павла, были бы тщетны, если бы Христос не воскрес: «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна» (1 Кор. 15: 17). «Его главные возражения касаются божественности и искупительного подвига Христа, что он временами открыто исключает».⁵⁶ Однако, Гёте важнее показать величие человека, который, пройдя систему подготовки педагогической провинции, научится любить и уважать тех, кто находится ниже него. В этом он будет подражать Иисусу Христу, который является Богом, снисшедшим до падшей человеческой природы.

Посещение Вильгельмом педагогической провинции и Троих – самый яркий и пространный фрагмент романа, на написание которого Гёте вдохновила Библия. Гёте сочетает аллюзии на различные библейские книги: Пятикнижие Моисея, Евангелия, Послание апостола Павла к Евреям. В заключение, сделаем акцент на том, что христианство как религия любви и жертвенности в понимании Гёте является высшей формой религиозного опыта человечества, и к нему необходимо приближаться, опираясь на бэкграунд этической и философической религий.

---

⁵⁶ The Cambridge Companion to Goethe. Edited by: L. Sharpe. – Cambridge: University Press, 2002. – 277 p. – p. 220.

2.3. Посещение Елизаветы Марией

В контексте влияния Библии на роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» следует также рассмотреть подраздел второй главы романа «Посещение Елизаветы Марией». Даже по его названию мы можем понять, что это подраздел – аллюзия на первую главу Евангелия от Луки. Анализируя этот текст, мы находим целый ряд сходств. И в романе, и в Евангелии Елизавета – женщина в возрасте, а Мария – молодая девушка. Кроме того, Иосиф разлучается с Марией на то время, пока она находится у Елизаветы. События романа, связанные с Иосифом, Марией и Елизаветой, происходят в горах. Место действия первой главы Евангелия от Луки – нагорья Иудеи, и именно туда поспешила дева Мария. Еще одно, на первый взгляд, не совсем очевидное сходство заключается в том, что Гёте сравнивает дом Елизаветы с маленьким святилищем: «Ее дом, всегда чисто прибранный, казался мне чем-то вроде маленького святилища».⁵⁷ Согласно Евангелию, муж праведной Елизаветы, Захария, был священником, соответственно, его дом был особым местом, средоточием благочестивой жизни.

В доме у Елизаветы Мария рождает ребенка. В романе очень трогательно описан эпизод встречи Иосифа с Марией, которая уже родила первенца: «Госпожа Елизавета подошла к ней, чтобы предупредить обо мне, подняла что-то с кровати и вынесла мне навстречу дивной красоты мальчика, запеленатого в белоснежный полой. Госпожа Елизавета держала его как раз между мною и матерью, и мне тотчас вспомнился цветок лилии, который на картине рос из земли между Марией и Иосифом, знаменуя чистоту их союза».⁵⁸ Так, в этом эпизоде тоже есть сходства между Евангелием и текстом романа: во-первых, Мария, как и Богородица, рождает первенца, во-вторых, союз Иосифа и Марии на момент рождения Марией первого ребенка непорочен, в-третьих, Иосиф не возражает принять на себя обязанности отца,

⁵⁷ Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 8. – 462 с. – с. 18-19

⁵⁸ Там же. С. 23.

хотя и не является его биологическим отцом. Различие заключается в том, что сын, родившийся у Марии, не является плодом непорочного зачатия. К тому же, муж Марии умер, что является омрачающим радостью фактом. Иисус Христос, согласно Евангелию, родился в Вифлееме, после того, как Мария уже покинула дом Елизаветы. В романе же Мария рождает ребенка в доме Елизаветы, в горах. Наконец, точно не указано время пребывания Марии у Елизаветы, тогда как в Евангелии этот срок составляет 3 месяца.

Рассказ о посещении Елизаветы Марией сразу привлекает внимание исследователя своей схематичностью. К. Миттермюллер акцентирует внимание на том, что в выборе Иосифа первична идея подражать Святому Семейству, а влюбленность и личностные черты Марии вторичны: «Мария очаровывает его не как отдельная и самобытная личность, а скорее как возможность реализации его фантазии. Когда он ведет ее рядом с собой на своем осле, это напоминает ему фрески в часовне»⁵⁹. Отдельно также стоит отметить, что Иосиф, находясь в разлуке с Марией, трансформирует ее образ в своем восприятии, приближая его к образу Богоматери на фресках из своей часовни, так что, встретившись с ней, он уже четко осознает, что готов принять Марию в свой дом.

Особое внимание стоит уделить этим образам и фрескам, которые находятся в часовне. Именно они являются медиатором между евангельским текстом и сюжетом романа. К. Миттермюллер обращает внимание на то, что, несмотря на кажущуюся идиллию, в этих отношениях есть пугающий своей некой безысходностью элемент: «Молодой матери, независимо от ее личной индивидуальности, навязывается определенная роль, которая является результатом жесткого фиксированного фантазма, созданного с помощью образов. Отчуждающие и овеществляющие тенденции такой структуры отношений проявляются в высказываниях Иосифа, когда он сравнивает Марию с драгоценными товарами».⁶⁰ Получается, что Мария важна для него

---

⁵⁹ Mittermüller C. Sprachskepsis und Poetologie: Goethes Romane «Die Wahlverwandtschaften» und «Wilhelm Meisters Wanderjahre». – Tübingen: Walter de Gruyter, 2008. – 234 s. – s. 172.

⁶⁰ Там же. S. 173.

не как конкретный живой человек, а скорее как образ из некой идеальной конструкции.

В сцене посещения Елизаветы Марией Гёте не воссоздает евангельское повествование со всей точностью, однако очевидно, что Евангелие от Луки послужило источником как для отдельных образов, так и для всей этой сцены в целом. А эта сцена, в свою очередь, делает повествование о Святом Семействе из романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера» еще более похожим на текст Священного Писания.

2.4. Другие библейские смыслы и образы романа

На протяжении романа мы встречаем не только развернутые описания образов из книги книг, но и небольшие библеизмы. Так, девушка-незнакомка говорит господину де Реванну: «Многим благодетелям хочется за свою чечевичную похлебку купить все права на тех, кого они облагодетельствовали».⁶¹ Упоминание о чечевичной похлебке мы находим в ветхозаветной Книге Бытия, входящей в Пятикнижие Моисея. Там Исав продает своему младшему брату Иакову за чечевичную похлебку первородство (Быт. 25: 33-34).

В романе присутствуют два эпизода, которые ясно указывают нам на то, что Гёте при работе с романом старается творчески осмыслить первые главы Книги Бытия, которые описывают то, как Бог творил мир. Так, Вильгельм присутствует на праздненстве горнорабочих, которые, выпивая вино, оживленно спорят, возник ли мир вследствие движения огромных ледников или вследствие бурной вулканической деятельности. Вильгельм же чувствовал, как разрушается его представление о сотворении мира, а также о Всемирном потопе: «В голове у нашего друга все перепуталось, а на душе стало тоскливо: ведь он издавна тихо лелеял в мыслях образ духа,

---

⁶¹ Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 8. – 462 с. – с. 53

носившегося над водами, и картину потопа, когда влага стояла на пятнадцать локтей выше высочайших гор, а от этих странных речей благоупорядоченный мир — обитель растительной и животной жизни — в его воображении рушился в хаос».⁶² Возможно, этот фрагмент романа автобиографичен, и Гёте описывает собственные ощущения от столкновения в его сознании двух теорий, касающихся сотворения мира: библейской и естественнонаучной. Надо сказать, во времена Гёте людям было сложнее, чем сейчас, сочетать библейские представления о мире с новыми научными знаниями. В наши дни эта грань воспринимается не столь остро, потому что появились научные теории, сочетающие в себе креационизм и естественнонаучные модели происхождения мира.

Девятая глава Третьей книги романа повествует о готовящемся переселении с территории старого континента. В пространной речи Ленардо упоминается библейское событие рассеяния Богом народов при строительстве Вавилонской башни: «Окинем же взглядом земной шар; оставим прежде всего без внимания моря, не дадим увлечь себя снующим по ним кораблям, приглядимся к суше и подивимся муравьиному племени, что в таком множестве снует и кишит по ней. Начало этому положил сам Господь Бог, помешав вавилонскому столпотворению и рассеяв по свету род людской».⁶³ Логично, что в романе о странствованиях и странниках в эпизоде, который предваряет начало большого переселения, Гёте не обходится без упоминания Вавилонской башни — места, откуда народы, согласно Библии, рассеялись по лицу земли.

Интересно, что Гёте вводит библейскую тему сотворения мира Богом даже там, где повествует о вымышленных существах. Так, герой романа, называемый Алым Плащом, передает рассказ принцессы из рода короля Эквальда: «Общеизвестно, — сказала она, — что господь, как только сотворил мир и суша освободилась от вод, а горы вознеслись во всей своей

---

⁶² Там же. С. 230.

⁶³ Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейнстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. — М.: Художественная литература, 1979. — Т. 8. — 462 с. — с. 336

мощи и величии, — господь сотворил прежде всего крошечного карлика, чтобы было разумное существо, которое бы дивилось чудесам его в земных недрах, в шахтах и в пропастях и чтило за них творца. Далее, известно, что народец этот стал заноситься и задумал подчинить себе всю землю, отчего господу пришлось сотворить драконов, чтобы загнать карличье племя обратно в горы».⁶⁴ В романе Гёте даже вымышленные существа, очень похожие на мифологических гномов, разделяют теорию креационизма, что говорит нам о том, что Гёте действительно по-настоящему был убежден в существовании Творца мира.

Возможных заимствований из апостольских посланий и Апокалипсиса мы можем найти в художественных произведениях Гёте не так много. Однако, в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» есть две таких библейских отсылки. В одиннадцатой главе третьей книги Гёте от лица автора передает итоги разговора Одоарда, Ленардо, Вильгельма и Фридриха. Сама беседа подробно не описана, однако изложены ее итоги: «Христианство предлагает нам в помощь самое отрадное: веру, надежду, любовь; из этого проистекает терпение, сладостное ощущение того, сколь неоценимым даром остается наше бытие, даже если в нем нет желанных наслаждений, а вместо этого оно отягчено мучительнейшими страданиями»⁶⁵. Так, вера, надежда и любовь – три важнейших христианских добродетели, о которых упоминается в Первом Послании апостола Павла к Коринфянам, а именно, в его разделе, который принято называть гимном любви: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор, 13:13). В основу христианской веры герои романа закладывают три добродетели, значимость которых для христианина отмечал еще апостол Павел. Трехчастная религия Гёте дополняется библейским представлением о вере, надежде и любви, что дополнительно сближает взгляды Гёте с христианским пониманием мира.

---

⁶⁴ Там же. С. 326.

⁶⁵ Там же. С. 378.

Еще один библеизм Гёте заимствовал из Апокалипсиса. Так, новый друг госпожи Сусанны и ее жениха, проезжий незнакомец, присутствует на их помолвке и напоминает об одной из опасностей, которая описана в Апокалипсисе. Сусанна рассказывает: «Он, должно быть, слышал нашего проповедника, который воспользовался случаем напомнить нам о главе церкви Лаодикийской и об опасности быть ни холодным и ни горячим, каковой грех хотели обнаружить в нас с женихом».⁶⁶ Слова Апокалипсиса звучат так: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: ...< >... знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр, 3: 14-16). Сусанна называет проезжего незнакомца добрым гением и очень сожалеет о его отъезде: «Он уехал, и стало так, будто вместе с ним нас покинули добрые гении. Было замечено уже не раз, каким решающим событием бывает для любого тесного круга появление в нем замечательного человека и какая после его ухода остается брешь, в которую нередко и проникает случайное несчастье».⁶⁷ И, при этом, единственным его высказыванием, которое описано в письме Ленардо, то есть, как мы понимаем, высказыванием, которое ярче всего отложилось в сознании госпожи Сусанны, является напоминание об опасности быть ни холодным, ни горячим. По сути, данный герой вводится в повествовательную нить романа для того, чтобы возвестить эти слова из Апокалипсиса. Таким образом, эти слова ставятся на особое место, и можем вновь заметить, что Библия является особым источником мудрости и образов в творчестве Гёте.

2.5. Мотив странствия как рецепция библейского аскетизма

Далее затронем еще одну важную тему, которая присутствует в исследовательской литературе. Мотив странствия предполагает то, что человек

---

⁶⁶ Там же. с. 368.

⁶⁷ Там же.

отказывается от накопления имущества и земных привязанностей. Так, Вильгельм не должен оставаться на одном месте дольше трех дней. Постоянно находясь в странствии, он не имеет возможность ставить себе долгосрочные цели, а также полноценно коммуницировать с обществом. Некоторые исследователи акцентируют внимание на бездействии его воли: «В роли наблюдателя автор романа выступает на равных правах с главным героем – Вильгельмом Мейстером. Вильгельм – особенный наблюдатель... < > ...Таким образом его собственная воля бездействует, он не вправе ставить перед собой какую-либо цель. В связи с этим его личность как бы лишается своего средоточия, его «я» созерцает себя глазами других»,⁶⁸ – пишет А. М. Фурсенко. Однако, было бы не совсем верно утверждать, что такая модель конструируется только ради создания определенного эффекта читательского восприятия. Определенно, эта модель служит Гёте средством выражения идейной составляющей романа.

Некоторые исследователи, и не без оснований, сближают понимание аскетизма и странничества в романе с просветительскими идеалами. «Идея основных произведений Гёте этих лет («Ученические годы Вильгельма Мейстера», «Страннические годы Вильгельма Мейстера», «Фауст»), заключающаяся в том, что человек только в практической деятельности на благо обществу обретает истинный смысл своего существования, является просветительской по своей сущности».⁶⁹ Однако, в том же исследовании выражается мысль, что Гёте понимал общественную природу человека более сложно, чем просветители, и его вера в гармонию между личностью и обществом была менее наивной, чем просветительская.⁷⁰ В романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» изображается отчужденность человека от окружающего мира, а это уже в большей степени романтический идеал, чем просветительский. Николас Бойле характеризует идеи романа как

---

⁶⁸ Фурсенко А. М. Концепция общества и поэтика фрагментарности в романе И. В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» // Сибирский филологический журнал. 2012. №1. – с. 104.

⁶⁹ История зарубежной литературы XIX века: [Учебник для пед. ин-тов] / М. Е. Елизарова, С. П. Гиждеу, Б. И. Колесников, Н. П. Михальская. - [3-е изд.]. - Москва : Просвещение, 1964. - 623 с. – с. 22

⁷⁰ Там же

«квазимасонское братство, члены которого объединяют свои жизненные истории в качестве вклада в общую мудрость; и моральный принцип самопреодоления»⁷¹, тем самым оттеня мистико-религиозное значение и говоря, что Гёте лишь использует инструменты Библии по своему усмотрению для того, чтобы приблизиться к пониманию Бога – абсолютного разума.

Так, бесспорно, Гёте существенным образом расширяет идеи просветителей, а в некоторых аспектах, в том числе, в вопросе восприятия Библии, вступает с ними в полемику. В своем автобиографическом сочинении «Поэзия и правда» Гёте пишет о том, что отношение Вольтера к религии и к Священным книгам вызывало смешанные чувства: «Мы, юноши, с нашей немецкой любовью к природе и правде почитали добросовестность по отношению к себе и другим наилучшей путеводной нитью; пристрастная недобросовестность Вольтера, его превратные истолкования многих достойных уважения вещей все больше сердили нас, и мы день ото дня укреплялись во враждебном к нему отношении. Он с неутомимой энергией унижал религию и священные книги, на которых она основана, чтобы досадить так называемым попам, и это нередко вызывало во мне неприятное ощущение»⁷². Удивительно, что Гёте сочетал в своих взглядах и в своем литературном творчестве как черты просветителя, так и мыслителя, которому тесно существовать исключительно в рамках просветительского взгляда на мир. «Гёте в начале века отходит от ориентации на античность, пластически-замкнутые формы, и, подобно романтикам, ищет более “живописные”, более субъективно окрашенные, а подчас и аллегорически-символические литературные формы».⁷³ Он использует инструментарий просветителей, однако расширяет границы материала, с которым нужно и можно работать,

---

⁷¹ Boyle N. Goethe. Vol. 1, The Poetry of Desire (1749-1790) : The Poet and the Age. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 807 pp. – p. 399.

⁷² Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 409.

⁷³ История зарубежной литературы XIX века: [Учебник для пед. ин-тов] / М. Е. Елизарова, С. П. Гиждеу, Б. И. Колесников, Н. П. Михальская. - [3-е изд.]. - Москва : Просвещение, 1964. - 623 с. – с. 23

так, его привлекают и Библия, и культура Востока, и разного рода исследования, которые давали простор уму и были интересны лично ему.

Честность – основополагающий принцип работы Гёте, и он ясно осознавал, что Библия не может быть объектом насмешек по причине ошибок церковных иерархов или устойчивой рецепции тех или иных библейских фрагментов. Гёте пишет: «Как сейчас помню, что я, в своем ребяческо-фанатическом рвении, был бы готов удавить Вольтера, попадись он мне под руку, за его “Саула”. Зато любое честное исследование страстно меня увлекало, я зачитывался различными научными трудами о восточных странах и костюмах, проливавшими все больше света на те давние времена, и продолжал напрягать все силы своего ума, читая бесценные библейские предания».⁷⁴

В романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Гёте изображает странников аскетами, обращаясь тем самым к евангельскому аскетическому идеалу. Христос обращается к семидесяти ученикам: «Идите! Я посылаю вас, как агнцев среди волков. Не берите ни мешка, ни сумы, ни обуви» (Лк 10: 1-4). Аскетизм присутствует не только в жизни тех, кто совершает странствия. Многие из героев романа, не совершающих странствия, также живут аскетично. Это не значит, что они бедны. Даже если они имеют стабильный и высокий заработок, они все равно стараются жить скромно и пользоваться только самым необходимым. Отметим, что это не только следствие просветительских идей и евангельского идеала, но и феномен, вызванный влиянием времени.

Бенедикт Джессинг указывает два процесса, которые соответствуют времени написания романа, между 1807 и 1829 годами. Во-первых, «на них приходится первая волна систематически организованной индустриализации европейского континента»⁷⁵, а, во-вторых, происходит «освобождение

---

⁷⁴ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 430

⁷⁵ Jeßing B. Konstruktion und Eingedenken: Zur Vermittlung von gesellschaftlicher Praxis und literarischer Form in Goethes «Wilhelm Meisters Wanderjahre» und Johnsons «Mutmassungen über Jakob». – Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 1991. – 259 s. – s. 35.

немецких земель от французского господства, а также феодально-родовое восстановление и реорганизация германской государственной системы».⁷⁶ Индустриализация Европы вела к тому, что идиллия, заключающаяся в принципе довольствования тем, что удастся заработать при помощи умеренного труда, становилась все более редким явлением. Ее замещал более осознанный подход к зарабатыванию денег на жизнь себе и своей семье. Объединение германских земель вокруг единого центра приводило к уменьшению самобытности колорита разных территорий, что также волнует Гёте.

Кроме того, в связи с развитием общества и под влиянием протестантских идей, возникает понятие профессионального призвания. Человек должен заниматься каким-то конкретным делом добросовестно, а не ради того, чтобы в итоге обогатиться и впоследствии пребывать в праздности. Труд является, ни больше ни меньше, служением человека Богу. Макс Вебер в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» пишет следующее: «Мысль, что современная профессиональная деятельность носит отпечаток аскетизма, сама по себе не нова. Что ограничение человеческой деятельности рамками профессии вместе с отказом от фаустовской многосторонности является в современном мире обязательной предпосылкой плодотворного труда, что, следовательно, “дело” и “отречение” в настоящее время взаимосвязаны — этот основной аскетический мотив буржуазного стиля жизни (при условии, что речь идет именно о стиле, а не об отсутствии его) хотел довести до нашего сознания уже Гёте на вершине своей жизненной мудрости, о чем свидетельствуют его “Годы странствий” и то, как он завершил жизненный путь Фауста. Для Гёте осознание этого факта означало отречение и прощание с эпохой гармоничного, прекрасного человека, с эпохой, повторение которой для нашей культуры столь же невозможно, как для древности невозможен был возврат к эпохе расцвета афинской

---

⁷⁶ Там же

демократии».⁷⁷ Евангельский идеал аскетизма действительно оказал влияние на формирование идей рациональной деятельности в рамках своей профессии. В романе отражен отход от идеи разностороннего развития личности, характерный для эпохи развития промышленного производства и утверждения ценностей капитализма. Таким образом, мотив аскетизма в романе связан не только с духовно-нравственным евангельским идеалом, но и с воспитательными идеями просветителей, а также с умением людей интегрироваться в новые социальные отношения, что названо Максом Вебером «духом капитализма».

Подводя итог главы, отметим, что библейские аллюзии на уровне отдельных деталей, а также целых глав романа подтверждают тезис, что Библия для Гёте была особой книгой – книгой, из которой он брал важнейшие конструкции мироздания, мудрость, а также огромное количество смыслов и образов. Герои романа на всем его протяжении ищут истину, в том числе, и истину религиозную. Тайна религиозного учения открывается поэтапно и последовательно, и в деле научения героев поистине неоценимое значение играет Библия: ее смыслы и образы, заимствованные Гёте из Ветхого и Нового Заветов. Герои приближаются к пониманию смысла жизни как через пространные размышления о сути истинной жертвенности, так и через заключенные в небольших библеизмах мудрые мысли. Мотив аскетизма героев имеет общие черты с аскетизмом евангельской проповеди. Гёте не ставит себе целью сконструировать в романе полностью христианское видение мира, так, его отношения с традиционным христианством все же достаточно сложные и неоднозначные. Однако, его религия, которую познают герои романа, имеет много общего с религией библейской, завязкой которой является грехопадение, а кульминацией – искупительная смерть Сына Божьего на Кресте.

---

⁷⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / Избранные произведения: Пер. с нем.// Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. — М.: Прогресс, 1990. —808 с. – с. 140

ГЛАВА 3. БИБЛЕЙСКИЕ СМЫСЛЫ И ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРНОМ НАСЛЕДИИ И. В. ГЁТЕ

3.1. Рецепция сотворения мира и книги Бытия

Библия является одним из важнейших источников вдохновения для гётевских стихотворений. В них отражены наиболее свободные по форме и непохожие друг на друга размышления над библейскими смыслами и образами. Гёте интересовался самыми разными областями научной, культурной и религиозной жизни различных народов. Неоднократно он обращался к традициям восприятия постулатов Корана. Некоторые стихотворения отражают очень популярный тогда опыт рационального научного мышления, которое отвергает все стороны человеческой жизни, не имеющие точек соприкосновения с научным опытом.

Обращаясь к корпусу стихотворений И. В. Гёте, имеющих отсылки к тексту Священного Писания, стоит их разделить на несколько групп. Так, ряд стихотворений указывает на Бога как на Создателя мира. Другие стихотворения иллюстрируют загробную жизнь в представлении Нового Завета. Еще одна группа стихотворений повествует о том, как Бог действует в мире через свой промысл. При этом в качестве возможных источников вдохновения мы можем указывать и на ветхозаветные, и на новозаветные источники.

В начале рассмотрим группу стихотворений, где Гёте описывает сотворение мира. Надо сказать, тема возникновения мира чрезвычайно интересовала Гёте, о чем нам говорят библеизмы из книги Бытия во множестве его стихотворений.

Так, Гёте использует образ Эдемского сада, чтобы подчеркнуть красоту окружающего мира, например, в стихотворении «Ильменау» (1783):

...O laß mich heut an deinen sachten Höhn
Ein jugendlich, ein neues Eden sehn!

Ich hab' es wohl auch mit um euch verdient:

Ich Sorge still, indeß ihr ruhig grünet...⁷⁸

Другое стихотворение «Счастливые супруги» («Die glücklichen Gatten», 1802) содержит в себе скрытый библеизм – возможное указание на сотворение Богом небесных светил в третий день творения:

...Da gingen andre Sonnen

Und andre Monden auf...⁷⁹

Светила, то есть солнце и луна, согласно Книге Бытия, были созданы в третий день творения, однако свет появился раньше. Свет стал первым творением Бога на Земле, ведь сразу после того, как он сотворил небо и землю, он создал свет: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы» (Быт. 1: 3-4). И мы можем предположить, что эти стихи стали для Гёте источником вдохновения для написания стихотворения «Воссоединение» («Wiederfinden», 1819), в котором он называет Бога вечным:

Als die Welt im tiefsten Grunde

Lag an Gottes ew'ger Brust,

Ordnet' er die erste Stunde

Mit erhabner Schöpfungslust.

Und er sprach das Wort: «Es werde!»

Da erklang ein schmerzlich Ach!

Als das All mit Machtgebärde

In die Wirklichkeiten brach!

Auf tat sich das Licht; so trennte

Scheu sich Finsternis von ihm,

Und sogleich die Elemente

Scheidend auseinander fliehn.

---

⁷⁸ Сегодня вновь мой новый юный рай

На склонах мягких обрести мне дай!

Как вы, холмы, эдема я достоин

Как ваш простор, мой каждый день спокоен (пер. с нем. В. Левика)

⁷⁹ И лун и солнц так много

Послал нам счастья Бог (пер. с нем. В. Рождественского)

Rasch in wilden, wüsten Träumen
Jedes nach der Weite rang,
Starr, in ungemessenen Räumen,
Ohne Sehnsucht, ohne Klang.⁸⁰

Образный ряд Гёте является авторской попыткой визуализировать процесс сотворения мира, который описывается в Книге Бытия. Образы складываются в последовательность: ослепительная вспышка света, летящий во все концы вселенной свет, наконец, первозданная тишина. Мы можем предположить, что дикие силы в данном случае – это материя, которую создал, но пока еще не упорядочил Бог.

Интересно продолжение этого стихотворения:

Stumm war alles, still und öde,
Einsam Gott zum ersten Mal!
Da erschuf er Morgenröte.⁸¹

Бог становится одиноким. Вероятно, созданное пространство следовало наполнить творениями. А в тот момент, пока их не было, в момент, между сотворением земного пространства и живых существ, Гёте предполагает, что Бог мог быть одиноким. Причем, впервые. Во второй раз Бог, как мы можем полагать, был одиноким на кресте.

---

⁸⁰ Так коснел на груди отчей
Диких сил бесплодный рой,
И, ликуя, первый Зодчий
Дал ему закон и строй.
«Да свершится!» - было слово,
Вопль ответом был - и вмиг
Мир из хаоса немого
Ослепительно возник.
Робко скрылась тьма впервые,
Бурно свет рванулся ввысь,
И распались вдруг стихии
И, бунтуя, понеслись,
Будто вечно враждовали,
Смутных, темных грез полны,
В беспредельность мертвой дали,
Первозданной тишины (пер. с нем. В. Левика)

⁸¹ Стало все немой пустыней,
Бог впервые одинок.
Тут он создал купол синий,
Расцвел зарей восток (пер. с нем. В. Левика)

Другое стихотворение, «Талисманы» (1819), входящее в «Книгу певца. Моганни-Наме» начинается с повествования о том, что Бог является творцом всей земли от востока до запада:

Gottes ist der Orient!
Gottes ist der Okzident!
Nord und südliches Gelände
Ruht im Frieden seiner Hände.⁸²

Это стихотворение, начинающееся с сотворения мира, повествует о величии духа человека. Так, Бог указывает мыслящему человеку правый путь:

Mich verwirren will das Irren;
Doch du weißt mich zu entwirren,
Wenn ich handle, wenn ich dichte,
Gib du meinem Weg die Richte!⁸³

...и человек начинает свой путь, к великому, к святому, к небу:

Ob ich Ird'sches denk' und sinne,
Das gereicht zu höherem Gewinne.
Mit dem Staube nicht der Geist zerstoßen,
Dringet, in sich selbst gedrängt, nach oben.⁸⁴

В этом стихотворении Гёте возвеличивает человеческий дух, и сам Бог помогает человеку в служении поэта и других благородных намерениях.

Библия отдельно описывает, как Бог сотворил человека. Безусловно, эта тема была одной из наиболее распространенных в литературе. Не обходит ее стороной и Гёте. В стихотворении «Сотворение и одухотворение»

---

⁸² Богом создан был Восток,
Запад также создал бог.
Север, Юг и все широты
Славят рук его щедроты (пер. с нем. В. Левика)

⁸³ Сбил с пути меня лукавый,
Ты ж на путь наставил правый
Дай мне правое упорство

На дела, на стихотворство
⁸⁴ Пусть я предан весь земному,
Это путь к великому, к святому.
Дух — не пыль, он в прах не распадется.
Став собой самим, он к небу рвется

(«Erschaffen und Beleben», 1819) Гёте обращается к этой теме. Сам процесс сотворения человека он делит на две части, так, как это описывается в Библии: сначала Бог творит человека из праха земного, а затем дает ему дух жизни. Интересно, что Гёте добавляет как бы третий этап сотворения человека. Он иронизирует, говоря, что процесс становления человека завершил Ной, когда открыл опьяняющее свойство вина.

Гёте также затрагивает тему изменения физических законов мира после грехопадения. Библия утверждает, что мир претерпевает изменения: теперь земля орошается дождем, избыток которого ведет к наводнениям, а недостаток – к засухам. В Эдемском саду же растения снабжались влагой следующим образом: «Пар поднимался с земли и орошал все лице земли» (Быт. 2:6). Изменяются и человек. Он в «поте лица своего» (Быт. 3:19) ест хлеб свой, болеет и умирает. Сказано, что женщины «в болезни будут рождать детей» (Быт. 3:16). Срок жизни человека сокращается от нескольких сотен лет жизни праотцев до времени, указанного, например, в известном изречении Псалтири: «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь» (Пс. 89: 10). Теперь между разными видами зверей положена вражда, звери употребляют в пищу других зверей, которых могут поймать. О последнем утверждении остроумно рассуждает Гёте в своем автобиографическом сочинении «Из моей жизни. Поэзия и правда»: «Одни эти комары заставляют меня усомниться в том, что мир создан добрым и мудрым богом. Набожный старик сурово призвал меня к порядку, заявив, что комары и прочие вредные насекомые, наверно, возникли лишь после грехопадения наших прародителей, если же были еще в раю, то там только приятно жужжали, но не жалили. Я тотчас утихомирился, ибо лучшее средство успокоить рассерженного — рассмешить его, но все-таки заметил, что в таком случае ангел с огненным мечом был вовсе не надобен для изгнания согрешившей

четы из рая; да позволит мне господин пастор остаться при убеждении, что изгнанию способствовали крупные комары Тигра и Евфрата». ⁸⁵

Стихотворное наследие Гёте интересно тем, что оно включает в себя переработку и творческое осмысление библейских событий. Гёте обращает особое внимание на то, о чем в Библии говорится вскользь, но при этом оно, непременно, есть. Так, он пишет о том, как Бог вложил любовь между Адамом и Евой, первыми людьми, которые жили в раю. Стихотворение «Добро вам» представляет нашему вниманию особый образ Бога, любящего отца, желающего своим детям любить друг друга:

«Gut!!!» rief er sich zum Meisterlohn,
Er ging sogar nicht gern davon.⁸⁶

Согласно традиционному христианскому толкованию Библии, первопричиной сотворения мира была именно божественная любовь, свободное желание Бога поделиться своей радостью и любовью. Внешних первопричин сотворения мира Бог не имел и не мог иметь. Тайна Пресвятой Троицы часто объясняется богословами как тайна Божественной любви, так как Бог имеет любовь в самом себе. И мы можем утверждать, что Гёте не случайно связывает две этих темы: любовь Бога и сотворение мира.

Еще три стихотворения связаны общим библейским мотивом. В них женщины рассматриваются как потомки Евы, первой женщины, созданной Богом из ребра Адама. Первое «К женщине снисходителен будь...» («Behandelt die Frauen mit Nachsicht», 1819) является примером того, как Гёте может сочетать в одном стихотворении аллюзию на Библию и шутку. В ироничной форме он призывает мужчин относиться к женщинам снисходительнее и не принуждать их к чему-либо, потому что женщина может сломаться, так как создана из ребра Адама, которое, как и у всех людей, вовсе не прямое.

---

⁸⁵ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 392-393

⁸⁶ "Добро!" — сказал с улыбкой бог
И долго отойти не мог (пер. с нем. В. Левика)

Идею творения мы также прослеживаем в стихотворении «Метаморфоза животных» («Metamorphose der Tiere», 1820), где Гёте пишет о том, что всех животные были созданы матерью-природой совершенными (vollkommene):

Zweck sein selbst ist jegliches Tier, vollkommen entspringt es
Aus dem Schoß der Natur und zeugt vollkommene Kinder.
Alle Glieder bilden sich aus nach ew'gen Gesetzen,
Und die seltenste Form bewahrt im geheimen das Urbild.⁸⁷

Прообразом (Urbild) мы можем считать некую совершенную идею творения. Все сотворенное несет в себе печать этого прообраза – то есть они также в той или иной мере совершенны.

На этом мы можем завершить обзор основных стихотворений, связанных по смыслу с темой сотворения мира, и приступить к другой теме, которая, судя по числу стихотворений, также была необыкновенно интересна Гёте. Эта тема – последние времена и загробная участь умерших.

3.2. Рецепция эсхатологического содержания Библии

Тема Суда Божьего и посмертной участи умерших особенным образом интересовала Гёте: известно, что он много думал и рассуждал об этом. Подобно просветителям, он дополнял художественные произведения моральными сентенциями и поучениями, при этом не разделяя их идеи относительно того, что Библия, а также традиции ее интерпретации не заслуживают внимания и являются тем, от чего нужно отказываться. Например, Гёте описывает, как воспринимали Вольтера, относившегося к Библии и к религии насмешливо: «О нем уже громко говорили как о старом своенравном ребенке; его неустанное трудолюбие рассматривали как

---

⁸⁷ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 231.

Каждый зверь — самоцель. Совершенным из чрева Природы

Вышел он, и дитя породит, как сам, совершенным.

Каждый член его тела по вечному создан закону,

Даже редчайшая форма втайне повторит прообраз (пер. с нем. Н. Вольпин)

тщеславные домогательства пережившего себя старца; никто более не ценил и не почитал принципов, на которых он неизменно настаивал и распространению которых посвятил всю свою жизнь». ⁸⁸ Тема смерти для Гёте была очень серьезным личным переживанием, и, конечно, он внимательным образом относился к библейским текстам, раскрывающим тайну загробной участи людей.

Эсхатологические размышления и зарисовки присутствуют и в стихотворном наследии Гёте. В данном разделе мы рассмотрим ряд стихотворений, в которых он изображает библейские мотивы и образы, связанные со смертью и посмертной участью людей в библейском и христианском понимании.

Изначально, как и у многих его современников, воспитывавшихся в строгой религиозной обстановке, эсхатологические рассуждения были сконцентрированы вокруг неизбежно следующего за каждым действием человека возмездием Бога. Но он замечает, что христианские толкования Евангелия, зачастую восходящие корнями к апостолам, могут противоречить друг другу. Гёте иллюстрирует эту мысль в одном из своих стихотворений:

Und jeder schrieb, so Schritt vor Schritt,
Wie ers in seinem Sinn behielt
Verschieden. Es hat nichts zu bedeuten:
Sie hatten nicht gleiche Fähigkeiten;
Doch damit können sich die Christen
Bis zu dem jüngsten Tage fristen⁸⁹.

---

⁸⁸ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 408-409

⁸⁹ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 389

Они ж, во славу божества,
Пошли писать и повторять,
Кто как запомнил, те слова.
И все различно, как обычно,—
Но и способны все различно!
И вот у христиан беда:
Терпи до Страшного суда! (пер. с нем. В. Левика)

Размышляя о том, как образ Бога, который милует своих чад, может сочетаться с изображениями возмездия и Страшного Суда, Гёте приходит к выводу, что нехорошо, когда христианство вместо проповеди радости и любви говорит о том, как жестоко будут наказаны все, кто не почитает должным образом Таинства и не следит за каждым движением мысли, которым он может невольно оскорбить Бога: «Еще в раннем детстве на меня огромное впечатление произвели слова, что недостойно вкушающий святых даров вкушает вместе с ними свой собственный приговор. Все страшное, что я читал в средневековых описаниях Божьего суда о необычайных испытаниях каленым железом, огнем и прибывающей водой, а также то, что рассказывается в Библии об источнике, от воды которого невинный исцелялся, а виновный разбухал и лопался, проносилось в моем воображении и порождало ужас... < > ...Эти мрачные сомнения до такой степени мучили меня, а разъяснения, которые мне выдавали за исчерпывающие, в моем понимании были до того скудны и несостоятельны, что устрашающая картина делалась еще страшнее, и я, приехав в Лейпциг, постарался избавиться от всякой церковной опеки». ⁹⁰ Гёте не отрицает действенность и значимость Таинств, напротив, в «Поэзии и правде» он критикует протестантизм за то, что он лишил Таинства их значения, а также уменьшил важность их последовательного совершения. ⁹¹ Гёте отмечает: нужно мыслить здраво и акцентировать внимание на том, что следует прожить достойную жизнь на земле. Религия, если она верна, то должна этому способствовать, после чего человек может «предстать во образе преображенном перед престолом Всевышнего, сподобиться бесконечной радости, от Него истекающей». ⁹² Церковная же опека, по факту представляющая собой удержание человека в рамках того или иного устойчивого понимания Библии, является излишней, так как образованный

---

⁹⁰ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с. – с. 248-249

⁹¹ Там же, с. 244-247

⁹² Там же, с. 246

человек может, в отличие от неграмотного человека Средних Веков, самостоятельно читать и изучать Библию, а также основы веры, при необходимости обсуждая это с кем-то из священнослужителей или братьев по вере. Следует отметить, что в этих рассуждениях явно прослеживается влияние просветителей.

Конец времен ассоциируется у Гёте со звуком трубы. Обратим внимание на сонет XIII (1807-1808):

Am jüngsten Tag, wenn die Posaunen schallen,
und alles aus ist mit dem Erdenleben,
sind wir verpflichtet, Rechenschaft zu geben
von jedem Wort, das unnütz uns entfallen.⁹³

Тема Страшного Суда также звучит в одной из Венецианских эпиграмм (1790). В 48 эпиграмме Гёте опирается на слова Евангелия об отделении овец от козлищ:

Böcke, zur Linken mit euch» so ordnet künftig der Richter:
«Und ihr Schäfchen, ihr sollt ruhig zur Rechten mir stehn!»
Wohl! Doch eines ist noch von ihm zu hoffen; dann sagt er:
«Seid, Vernünftige, mir grad gegenüber gestellt!»⁹⁴

Гёте выделяет в отдельную категорию разумных (Vernünftige) людей, которые займут в Царстве Мессии более высокое положение, чем овечки. В этом заключается отличие взгляда Гёте на посмертную участь умерших от взгляда библейского. Однако, интересно, что этот его взгляд никак не противоречит Библии и, более того, вполне соответствует святоотеческой интерпретации.

---

⁹³ В последний день, когда труба над нами
Провозгласит конец всего земного,
Любое все брошенное слово

Придется искупить пред небесами (пер. с нем. Н. Григорьевой)

⁹⁴ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 151

«Козлища, встаньте ошую! - судья укажет грядущий.-

Вам же, овечки мои, стать одесную велю».

Но остается еще надежда, что он напоследок

Скажет разумным: «А вы встаньте пред ликом моим» (пер. с нем. С. Ошерова)

Так, человек создан «по образу Божию» (Быт. 1:26) и потому обладает творческими способностями, может создавать что-то принципиально новое, так как Бог есть Творец. Кроме того, человеку дан разум, потому что Бог в высшей степени разумен: «Велик Господь наш, и велика крепость Его, и разум Его неизмерим» (Пс. 146:5). Святитель Василий Великий (330-379) пишет: «Почему тебя огорчает рабство тела? Почему ты не ценишь данной тебе от Бога власти, того, что у тебя есть разум, владыка страстей? Когда ты видишь, что твой владыка (разум) является рабом наслаждения, а ты сам раб своего тела, то знай, что ты раб только по названию, а он (разум) обладает (тогда) чисто номинальной властью, на самом же деле находится в сугубом рабстве».⁹⁵ «Святитель Василий Великий указывает на разум как на главное, что отличает человека от животного и что делает человека подобным Богу, потому что подобие человека Богу заключается вовсе не в телесном устройстве и не в неограниченности временем, местом и силой, а именно в разуме и в способности творить».⁹⁶ Таким образом, мы можем говорить о том, что Гёте как бы дополняет евангельский эсхатологический взгляд на Страшный Суд своими мыслями о значимости разума и рассудительности. Вряд ли его мысли навеяны поучениями святых отцов, однако они воспроизводят понятие разума в традиционной христианской традиции интерпретации Библии.

В том же стихотворении Гёте иронизирует над сомнительными интерпретациями библейских изречений о Страшном Суде. Некоторые люди, говоря о том, что скоро всему придет конец, просят поданий:

Und der Bewohner Venedigs entfaltet den Mantel und reicht dir,
Eben als flehdest du laut bei den Mirakeln Antons,
Bei des Herrn fünf Wunden, dem Herzen der seligsten Jungfrau,
Bei der feurigen Qual, welche die Seelen durchfegt.⁹⁷

---

⁹⁵ Василий Великий. Беседы на Шестоднев. [Электронный ресурс]. URL:

https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/#0_10 (Дата обращения: 04.10.2022)

⁹⁶ Кузьмин Р. Ю. Царство Мессии в книгах малых пророков [Текст]: курсовая работа. – Спб, СПбДА, 2023. – 39 с. – с. 9.

⁹⁷ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 151.

В стихотворении «Легенда» (1776) Гёте изображает библейское представление о рае в христианском ключе. Наследники Царства будущего века будут пребывать в блаженной радости. Кроме того, молитвы Церкви помогают улучшить посмертную участь человека. В Библии об этом говорится немного, например, во втором Послании апостола Павла к Тимофею приведен пример краткой молитвы за Онисифора, которого уже не было в живых: «Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день» (2 Тим. 1:18). На эту тему есть еще несколько фрагментов посланий апостолов и Псалтири. При этом в Церкви это учение получило широкое развитие и распространение. Церковь совершает молитвы за всех умерших для того, чтобы они обрели упокоение в раю, и это является в большей степени церковной практикой, тем не менее, опирающейся на библейские основания.

Фавн из того же стихотворения обращается к монаху с просьбой о молитве:

Herr, betet für mich und meine Gefährt',
Daß ich zum Himmel gelassen werd,
Zur Seligen Freud: uns dürstet darnach.⁹⁸

Далее в этом стихотворении мы видим иронию: люди с ослиной головой могут наследовать рай, а фавн с козьими ногами не имеет шансов взойти на небо. Фавн снова обращается к монаху:

Was hat Euch mein Ziegenfuß getan?
Sah ich doch manche strack und schön
Mit Eselsköpfen gen Himmel gehn.⁹⁹

Венецианцы тебе подают, плащи приподнявши,
Будто бы просишь у них ради Антония ты,
Ради Христовых ран, ради сердца Девы Марии,
Ради огненных мук, душам грозящих в аду... (пер. с нем. С. Ошерова)

⁹⁸ Хочу я вкушать блаженство в раю,

Молись за меня и мою семью,

Чтоб нас всевышний на небо взял (пер. с нем. В. Левика)

⁹⁹ Пусть я козлоног,- что с того, не пойму!

Иных, я знаю, с ослиной башкой -

И то выпускают в небесный покой (пер. с нем. В. Левика)

Гёте иронизирует над церковным пониманием того, кто может наследовать рай, а кто – нет. Во времена Гёте это понимание зачастую базировалось на наборе формальных правил. Есть ряд грехов, например, ересь, раскол, блуд, которые не дают человеку возможности попасть в рай. Другие же грехи или недостатки как бы являются менее значительными, и такой человек вполне может, несмотря на них, наследовать блаженство вечной жизни. Эта ирония просматривается в данном стихотворении.

В некоторых стихотворениях Гёте изображает рай в мусульманском ключе. По-видимому, эта тематика также была ему интересна. Рассмотрим заключительные строки стихотворения «Песнь о Магомете» (Mahomet's Gesang, 1772-1773):

Und so trägt er seine Brüder,
Seine Schätze, seine Kinder
Dem erwartenden Erzeuger
Freudebrausend an das Herz ¹⁰⁰.

Так, Создатель мира, Бог дает радость человеческому сердцу, а также ждет, когда все люди вернуться к Нему. И пророк Магомет, действуя на других людей и приводя всех к Создателю, уподобляется мощному потоку, захватывающему все на своем пути.

Мусульмане не считают, подобно христианам, что с Богом можно общаться лицом к лицу, а Иисус в исламе – это один из пророков. И в тех стихотворениях Гёте, где он обращается к образам Востока, посмертная участь людей рассматривается в более общих чертах, нежели чем это принято в христианстве.

Другое стихотворение, «Праведные мужи» («Berechtigte Männer»), содержит более явное описание мусульманского рая, имеющего чувственный характер. Там воины Аллаха пируют с прекрасными женщинами:

---

¹⁰⁰ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 50.

Так своих несет он братьев,
И детей, и тьмы сокровищ,
Бурно брызжущий восторгом,
даль, где ждет Зиждитель нас (пер. с нем. В. Левика).

Die Planeten haben alle sieben
Die metallnen Tore weit getan,
Und schon klopfen die verklärten Lieben
Paradieses Pforten kühnlich an ¹⁰¹.

Есть и некоторые другие стихотворения, в которых Гёте размышляет о судьбе умерших людей. Все его стихотворения можно разделить на два типа: имеющие христианские либо восточные мотивы. На весь корпус стихотворений, объединенный эсхатологическими размышлениями, повлияла Библия, а также традиции ее толкования.

3.3. Рецепция событий ветхозаветной истории

Данный раздел будет посвящен обзору стихотворений, в которых мы можем проследить параллели с фрагментами исторических книг Ветхого Завета. В ходе обзора мы проанализируем несколько стихотворений, а также, ссылаясь на автобиографические заметки Гёте и на исследования, попробуем разобраться, какими важнейшими принципами руководствовался Гёте при работе с ветхозаветными книгами Библии.

Интересный образ жаждущего в пустыне, встречающийся сразу в нескольких книгах Библии, мы находим в стихотворении «Зимнее путешествие на Гарц» («Harzreise im Winter», 1777):

Ist auf deinem Psalter,
Vater der Liebe, ein Ton
Seinem Ohre vernehmlich,
So erquicke sein Herz!
Öffne den umwölkten Blick
Über die tausend Quellen

---

¹⁰¹ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 395.
Семь планет, усопшего встречая,
Золотые распахнут врата,
И душа восходит в кущи рая,
От земного тления чиста (пер. с нем. В. Левика)

Neben dem Durstenden

In der Wüste!¹⁰²

Евреи 40 лет ходили по пустыне, испытывая жажду. Известно, что Моисей ударом жезла извел воду из камня (Исх. 17-1:6), а также сделал пригодной для питья горькую воду Мерры (Исх. 15:22-27). Израильский народ терпел жажду и во многих последующих войнах и походах. В стихотворении Гёте высказывает мысль, что Бог способен показать тысячи источников рядом с тем, кто испытывает жажду и находится в безводной пустыне.

Еще в этом стихотворении мы находим образ Бога, который определяет путь жизни человека, направляя его к счастью и радости:

Denn ein Gott hat
Jedem seine Bahn
Vorgezeichnet,
Die der Glückliche
Rasch zum freudigen
Ziele rennt.¹⁰³

Этот образ является образом библейским, потому что Бог Ветхого Завета оставил людям Закон, которого они должны придерживаться. Более того, часто Бог сам являлся своим избранникам, свидетельствуя этим, что он не оставляет своих людей, а указывает им путь к счастью, радости и процветанию.

---

¹⁰² Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 53-56.

Если есть на лире твоей,
Отче любви,
Хоть единый звук,
Его слуху внятней,—
Услади ему сердце!
Взор яви из-за туч,
Освети родники без числа
Жаждущему в пустыне! (пер. с нем. Е. Витковского)

¹⁰³ Там же.

Ибо господним перстом
Каждому путь
Преуказан,
Путь, что счастливица
Скоро домчит
К цели отрадной (пер. с нем. Е. Витковского)

Одним из самых ярких стихотворений Гёте, вдохновленных ветхозаветными текстами, является стихотворение «Кто с хлебом слез своих не ел» («*Wer nie sein Brod mit Thränen aß*», 1795).

Первая строка этого стихотворения имеет явную параллель со стихом из 79 псалма:

*Wer nie sein Brod mit Thränen aß...*¹⁰⁴

Рассмотрим стих из псалма: «Ты напитал их хлебом слезным, и напоил их слезами в большой мере» (Пс. 79:6).

Другие строки того же стихотворения связывают плач и ложе:

*Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend saß*¹⁰⁵.

Подобный мотив встречается в Библии достаточно часто, например, рассмотрим псалом 6: «...каждую ночь омываю ложе моё, слезами моими омочаю постель мою» (Пс. 6:7).

Отдельно отметим, что хлеб со слезами или хлеб в печали – образ, который нередко встречается в книгах пророков Иеремии и Иезекииля, когда они повествуют о вавилонском пленении.

Еще один библеизм звучит в последней строке данного стихотворения:

*Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.*¹⁰⁶

Эта строка явно указывает на то, что Гёте был хорошо знаком с текстами Ветхого Завета, так как отмщенье и проступок – темы взаимосвязанные. Во Второзаконии ясно звучит мысль, что вслед за нарушением заповедей Закона следует наказание: «У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них» (Втор. 32:35).

Размышляя над текстами Ветхого Завета и осмысляя их в этом стихотворении, Гёте сомневается в том, что Бог по-настоящему справедлив, ведь сначала слабость приводит человека к преступлениям, а затем ему

---

¹⁰⁴ Кто с хлебом слез своих не ел (пер. с нем. Ф. Тютчева)

¹⁰⁵ Кто в жизни целыми ночами

На ложе плача не сидел... (пер. с нем. Ф. Тютчева)

¹⁰⁶ Нет на земле проступка без отмщенья! (пер. с нем. Ф. Тютчева)

ниспосылается небесная кара. По-видимому, Гёте не был удовлетворен церковной рецепцией этих мест Ветхого Завета и стремился размышлять на эти темы самостоятельно, работая непосредственно со Священным текстом. В своем автобиографическом сочинении «Из моей жизни. Поэзия и правда» Гёте пишет: «Суровая первобытность Ветхого завета и трогательная наивность Нового в некоторых своих частностях привлекали меня; как нечто целое, Библия передо мной, собственно, никогда не представляла, но разноречивой в характере ее книг уже не сбивал меня с толку». ¹⁰⁷ Так, Гёте, по-видимому, старался отходить от предлагаемого Церковью представления о единстве всех книг Библии. Он старался воспринимать Библию более живой, неоднородной и противоречивой, чем было принято в христианской традиции. Возможно, именно поэтому он иронизирует над логикой подобного рода.

Одной из причин неоднородности библейского текста Гёте считает проблему авторства книг. Об этом он также пишет в своем автобиографическом сочинении «Из моей жизни. Поэзия и правда»: «Что касается меня лично, то я любил и ценил эту книгу, ибо едва ли не ей одной был обязан своим нравственным формированием; в меня глубоко запали отображенные в ней события, ее наставления, символы, притчи, и все это так или иначе продолжало на меня воздействовать. Поэтому мне были не по душе несправедливые, насмешливые нападки и кривотолки; но дело дошло уже до того, что и поборники Библии охотно приняли - с целью защитить несообразности отдельных мест Святого писания - ходовой довод, согласно коему утверждалось, что и Господь Бог должен был сообразоваться с кругом представлений и с умственным уровнем человека и что даже боговдохновенные мужи не в силах начисто отрешиться от своего права и ограниченных представлений, а посему простой пастух Амос никак не мог говорить языком Исаяи, который, по преданию, был княжеским сыном». ¹⁰⁸ Так, он не считал нужным воспринимать всерьез мысли, что Бог опускается

---

¹⁰⁷ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман. – с. 430.

¹⁰⁸ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман. – с. 232

до того или иного уровня человеческого восприятия, а также спокойно относился к тому, что Библия может содержать противоречия и что в разных книгах Библии выражается разный взгляд на похожие проблемы.

Кто есть Бог Ветхого Завета – тема, которая особенным образом интересовала Гёте еще в детстве. Например, он описывает свои воспоминания о разрушительном Лиссабонском землетрясении 1755 года: «Люди богобоязненные тотчас же стали приводить свои соображения, философы — отыскивать успокоительные причины, священники в проповедях говорили о небесной каре...< >...Демон ужаса, может быть, никогда еще так внезапно и так грозно не повергал в трепет мир...< >...Мальчик, которому пришлось неоднократно слышать подобные разговоры, был подавлен. Господь бог, вседержитель неба и земли, в первом члене символа веры представший ему столь мудрым и благостным, совсем не потечески обрушил кару на правых и неправых». ¹⁰⁹ Позже он высказывал на эту тему самые разные мысли. «В том, что касается вопроса о Боге, рассуждения Гёте не похожи на рассуждения системообразующего догмата; он всегда заново подбирал и приводил в движение различные мысли», ¹¹⁰ — пишет К. Диенст.

Гёте интересны те персонажи Ветхого Завета, которые изображены самостоятельно ищущими свой путь и напрямую вступающие в общение с Богом: это Адам, Мелхиседек, Ной, Лот, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей. Другие же представители древнего Израиля интересуют его в меньшей степени.

Особой фигурой для Гёте помимо вышеназванных библейских героев является царь Соломон, сын Давида. Мы видим упоминание о нем сразу в нескольких стихотворениях, первое из которых – «Образцы» («Musterbilder»), входящее в Ушк-Наме:

Süße Liebeslaune, Salomo und die Braune! ¹¹¹

¹⁰⁹ Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман. – с. 28

¹¹⁰ Dienst K. Zur Religion des jungen Goethe // Journal für Religionskultur. – 1999. – Nr. 30. – S. 1-15.- S. 11

¹¹¹ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 324.

Образ Соломона и Царицы Савской мы также видим в стихотворении «Привет» из той же Книги Любви, Ушк-Наме:

Hast du doch auch
Zwischen Salomo
Und Saba's Königin
Ehemals den Kuppler gemacht!¹¹²

Соломон с царицей Савской, которая упоминается в Третьей книге Царств (в 10 главе) и во Второй книге Паралипоменон (в 9 главе) являются одной из шести пар, представленных в стихотворении. В Библии нет упоминаний о любовной связи между Соломоном и Царицей Савской, однако, об этом написано во многих толкованиях и легендах, на которых мы не будем останавливаться подробно. Поэтому, мы можем говорить о том, что для Гёте при написании данных стихотворений первичными были традиции изложения Библии, а сам Священный текст был вторичен.

Соломон является героем произведений Гёте также благодаря своей мудрости, а это уже именно библейский мотив, потому что в Третьей книге Царств Соломон просит у Бога мудрости, и Бог ему ее подает (3 Цар. 3:4-15). Рассмотрим фрагмент стихотворения «Wenn ich dein gedenke...» из Книги Зулейки Западно-Восточного Дивана:

Wenn ich mich vergesse
Unter der Cypresse
Hält er nichts davon,
Und im stillen Kreise
Bin ich doch so weise,
Klug wie Salomon¹¹³.

Прихоть жизни великой: Соломон с темнолицой (пер. с нем. А. Парина)

¹¹² Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 327.

Было время, ты юркал

Между Соломоном

И Царицей Савской,

Стало быть, сводник ты опытный (Пер. с нем. А. Парина)

¹¹³ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 366.

И мечтать мне проще

В кипарисной роще,

Ветхий Завет стал для Гёте источником смыслов и образов, при помощи которых он мог более ясно и емко выражать свои идеи, которые звучат в его стихотворениях – о величии человеческого духа, о поиске жизненного пути, о мудрости. Кроме того, в особые периоды своей жизни Гёте представлял Бога именно таким, каким его представляют нам страницы Священного Писания Ветхого Завета, воспринимал Его в личном опыте. И это особенно видно тогда, когда мы анализируем библейские мотивы в его стихотворениях.

3.4. Рецепция евангельских событий

В данном разделе мы рассмотрим корпус стихотворений, в которых Гёте ссылается на Евангелие – книгу, повествующую об Иисусе Христе. Круг евангельских событий, которые присутствуют в стихотворном наследии Гёте, достаточно широк несмотря на то, что Ветхий Завет и тема посмертной участи мертвых представлены значительно больше. Мы рассмотрим наиболее интересные тексты, отражающие то, как Гёте относился к событиям евангельской истории и что для него было самым важным, когда он работал с Евангелием.

В стихотворении «Eiphanias» (1781) представлены три путешествующих короля, у которых есть с собой мирра, золото и ладан. Кроме того, мы видим упоминание Иосифа Обручника, Вифлеемскую звезду и пещеру, где родился Спаситель. Стихотворение является рождественской шуткой Гёте над тем, что празднующие Рождество люди веселятся на трапезах и возлияниях так, что им уже нет никакого дела до сути праздника. Как и волхвам, о которых идет речь в этом стихотворении:

Da wir nun hier schöne Herrn und Frau'n.

Там не видит он.
Мудрый сам собою,
Радуясь покою,
Там я — Соломон (пер. с нем. В. Левика)

Aber keine Ochsen und Esel schau'n,
So sind wir nicht am rechten Ort
Und zieh'n unseres Weges weitest fort.¹¹⁴

Так, короли остаются праздновать и, вопреки ожиданиям, уже не идут к пещере, на которую указывает им звезда.

В другом стихотворении, в одной из Венецианских эпиграмм (1790) мы видим евангелизмы: упоминание пяти ран Христа и огненных мук ада. Число 5 указывает на то, что Гёте опирается на католическую традицию:

Und der Bewohner Venedigs entfaltet den Mantel und reicht dir,
Eben als flehdest du laut bei den Mirakeln Anton's,
Bei des Herrn fünf Wunden, dem Herzen der seligsten Jungfrau,
Bei der feurigen Qual, welche die Seelen durchfegt.¹¹⁵

Так, венецианцы подают деньги тем, кто просит с определенными формулировками. Две из них – формулировки евангельские, связанные с ранами Христа и мучениями в аду «... где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:44). Другие формулировки взяты из католической традиции и не присутствуют в Библии: сердце Девы Марии, культ почитания Антония Падуанского.

О страданиях Иисуса Христа Гёте пишет также в стихотворении «Коринфская невеста» («Die Braut von Corinth», 1797):

Und der alten Götter bunt Gewimmel
Hat sogleich das stille Haus geleert.
Unsichtbar wird einer nur im Himmel,
Und ein Heiland wird am Kreuz verehrt;
Opfer fallen hier,

---

¹¹⁴ Но тут всё знатные господа,
Осла да бычка не найдешь и следа.
Ей-ей, заплутались мы все втроем.

Пойдем-ка отсюда своим путем (пер. с нем. В. Левика)

¹¹⁵ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 151

Венецианцы тебе подают, плащи приподнявши,

Будто бы просишь у них ради Антония ты,

Ради Христовых ран, ради сердца Девы Марии,

Ради огненных мук, душам грозящих в аду (пер. с нем. С. Ошерова)

Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört.¹¹⁶

На место языческих богов, сколько бы их много не было, приходит Богочеловек – Иисус Христос. И в «жертву» Христу как бы приносят девушку, так как родители дали обетование, что их ребенок будет посвящен ему в дар:

Schon der letzte Schritt ist, ach! geschehen
Durch der guten Mutter kranken Wahn,
Die genesend schwur:
Jugend und Natur
Sei dem Himmel künftig untertan.¹¹⁷

Отдельно обращается внимание на то, что в христианской истории нет жертвоприношений животных. Однако, Гёте задумывается над тем, насколько обоснованы и насколько соответствуют Евангелию «жертвы» такого рода, когда человек лишается отчего дома, родительской любви, насильно отправляется в монастырь и т. д. То, что такая практика существовала в христианстве, заставляло его задумываться над тем, насколько это соответствует Евангелию и свидетельствует о той самой вере, которую основал на земле Иисус Христос.

Говоря в целом о стиле работы Гёте с новозаветным текстом, стоит особенным образом отметить свободу Гёте от общепринятой традиции интерпретации Библии. Эллис Дай обращает внимание на одну важную проблему. Так, попытки вписать представления Гёте в рамки той или иной

---

¹¹⁶ Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main, 1998. – 888 s. – s. 123-129.

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа! (пер. с нем. А. Толстого)

¹¹⁷ Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой! (пер. с нем. А. Толстого)

модели – это упрощенный взгляд, замыкающий исследователя в рамках узкой проблемы. «Ограничивать его какой-либо исключительной теорией, доктриной или моделью - значит ошибочно воспринимать свободу и иронию в его использовании унаследованных материалов»,¹¹⁸ – пишет Э. Дай.

Евангелие не было той книгой, которую Гёте часто использовал в качестве источника смыслов и образов. Евангельские образы в его стихотворном наследии немногочисленны, но их использование всегда оправданно. В отдельный ряд, как и в предыдущих разделах, мы можем поставить стихотворения-размышления на тему современных Гёте проблем.

---

¹¹⁸ Dye E. Love and Death in Goethe: “One and Double”. – Rochester: Camden House, 2004. – 333 p. - p. 237.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы изучили библейские мотивы в творчестве И. В. Гёте на примере трагедии «Фауст» и романа «Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся». Объектами рассмотрения в выпускной квалификационной работе стали также гётевские стихотворения, содержащие библеизмы. Проанализировав эти тексты, мы видим, что аллюзии на Священный текст существенно отличаются друг от друга по объему: от небольшого упоминания или строчки, указывающей на то, что в качестве источника в данном месте использовался библейский текст, до целых глав, вдохновленных библейским повествованием.

Основы художественного мира трагедии «Фауст» конструируются на основе законов Библии, что мы подробно рассмотрели на примерах. Законы трагедии созвучны установлениям, которые действуют в Ветхом и Новом Завете. Замысел Гёте заключается в том, чтобы поместить героя нового времени, обладающего недюжинной трудоспособностью и огромной силой духа, в мир вечных законов, которые действовали и будут действовать всегда. Вся Библия, по задумке Гёте, представляется единым повествованием о том, как Бог проявлял себя в мире людей. Поскольку Бог Библии существует вне времени и не изменяется по своему существу, то не изменяется с течением времени и логика Его законов. Единственно важно, что в разные времена человеческой истории люди по-разному понимали Бога, и Бог также обращался к людям с теми словами, которые им были более необходимы в тот момент. Именно такого взгляда на Библию придерживаются традиционные христианские конфессии, и мы можем считать, что Гёте вынес такого рода понимание из детства и из религиозной церковной среды.

Однако не всё в художественном мире трагедии происходит так, как уже некогда случилось в библейской истории: Гёте моделирует ситуацию, которая как бы могла произойти в Книге Иова, но не произошла: диаволу позволено приступить к человеческой душе. Гёте чувствует, что книга Иова

могла бы иметь продолжение, и размышляет в своей трагедии о том, как развивались бы библейские события, если бы Бог попустил диаволу перейти обозначенную в книге Иова черту и получить доступ к душе праведного Иова. Понимание этого момента является ключом к сотериологическому аспекту трагедии: Бог дарует блаженство как Маргарите, так и Фаусту именно по той причине, что сам попустил им оказаться в такой ситуации, из которой человек не может выйти, сохранив образ «классического» христианского праведника. В понимании христианском Фауст и Маргарита находятся в положении, когда они заведомо будут побеждены Мефистофелем, однако Гёте не считает тот исход, которого достигли герои к концу земной жизни, их поражением. Герои, сумевшие сохранить величие духа, самобытность и неукротимое желание развиваться и менять мир вокруг себя, спасены.

Отдельное значение также стоит уделить теме свободы Фауста. Свободу в библейском понимании Фауст теряет, все более погружаясь в то состояние, когда рассудок и разум подчинены греховным устремлениям. Желая обрести свободу от Церкви и социума, проводя алхимические опыты и двигаясь по пути критического восприятия всего вокруг, даже текста Евангелия от Иоанна, Фауст становится на путь, который является более сложным, чем путь подавляющего большинства людей. Однако, в соответствии со взглядом Гёте на Библию, Бог верит в человека, и Бог любит человека. Спасение, согласно взгляду Гёте, совершается не совсем так, как принято считать в христианстве. В стихотворении «Легенда» (1776) Гёте удивляется, почему в небесный покой могут войти люди с ослиной головой, но, при этом, не сможет войти фавн, существо с козлиными ногами. Подобное происходит и в трагедии «Фауст», Гёте изображает своего героя по-настоящему живым и ищущим, и Фауст дорог Богу, который желает блага каждому человеку.

Роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» является текстом, который связан очень тесно как с Библией, так и с представлением Гёте о

том, какой должна быть истинная религия. Библейские образы используются по ходу развития сюжетной линии романа для того, чтобы привести странников к пониманию истинной религии, состоящей из трех частей. Две начальных части: этническая и философическая, в свою очередь, должны подводить человека к осмыслению того, что есть истинная жертвенная любовь, которую явил на кресте Христос Спаситель. Религия Гёте в некоторых аспектах сопоставима с христианством, однако мы можем видеть и различия. Так, основой христианской веры является Воскресение Христово, а в религии, которую представляет в романе Гёте, обзор галереи завершается изображениями страданий Мессии-мученика.

Некоторые образы, как, например, Иосиф Второй, иллюстрируют мысль Гёте, что можно жить, полностью погружаясь во внешние аспекты и при этом оставаясь в стороне от познания основ христианской веры. Надо сказать, что именно к этому Иосифа как раз должны подводить чувства, которые он переживает, подражая Святому Семейству. Но этого не происходит, и Иосиф, изображенный достаточно схематично, так и остается в своем мире. А сцены с участием его семьи погружают читателя в особый художественный мир романа и подводят его к религиозным рассуждениям Гёте, представленным в главах о Педагогической провинции.

Мотив странничества романа связан как с библейским апостольским аскетизмом, так и с образом жизни человека нового времени, который не стремится к роскоши, а видит свое служение Богу в профессиональной деятельности. Различия между христианством и той религией, которую представляет в романе Гёте, могут стать ключом к пониманию не только данного романа, но и других его произведений, в том числе автобиографических.

Кроме того, важно отметить, что Гёте ставит жизнь Иисуса Христа вне зависимости от событий, происходивших в израильском народе. Мессия послан всем людям, и Новый Завет может быть соотнесен не только с

ветхозаветным повествованием, но и с историей других народов Древнего Мира.

В своих стихотворениях Гёте высказывает свои мысли более свободно, чем в произведениях большого объёма. Библейскими темами, которые интересуют его больше всего, являются сотворение мира и загробная участь умерших. Рецепция других ветхозаветных и новозаветных тем встречается значительно реже. Гёте часто использует библейские образы из Ветхого Завета тогда, когда он стремится выразить мысль о силе духа человека и о том, как человек ищет свой путь, в том числе духовный. Его особенным образом привлекают герои, самостоятельно выстраивающие отношения с Богом. Отдельно стоит обратить внимание на тот момент, что Бог Ветхого Завета является не только литературным образом, но и личным переживанием Гёте, так как он, оказываясь в различных ситуациях, выводящих его из зоны комфорта, пробовал осмыслять мир в категориях Ветхого Завета, о чем свидетельствует, например, его автобиографическое сочинение «Из моей жизни. Поэзия и правда». Некоторые ветхозаветные и новозаветные стихотворения, имеющие библейские мотивы, являются размышлениями, иногда облеченными в шуточную форму. Гёте мастерски иронизирует над актуальными событиями или ситуациями, используя аллюзии на текст Библии.

Ряд стихотворений мы можем рассматривать как попытки досказать то, о чем молчит Библия. Так, в стихотворении «Добро вам» Гёте пишет про любовь Бога к Адаму и Еве, в одной из Венецианских эпиграмм выделяет кроме овец и козлиц категорию разумных людей, в стихотворении «Метаморфоза животных» высказывает мысль, что животные созданы совершенными. Мы можем говорить, во-первых, о том, что не только книга Иова стала текстом, в котором Гёте почувствовал недосказанность, а, во-вторых, о том, что Библия была для Гёте не мертвым историческим памятником, а текстом живым, актуальным и подлежащим глубокому осмыслению.

Отношение Гёте к христианству является сложным и неоднозначным. Он признает существование Бога, который является создателем мира и источником разума. Также он признает церковные таинства, соглашаясь в этом вопросе с позицией католической Церкви и выражая скептическое отношение к мнению протестантов, считающих таинство лишь символом. Особым образом таинства связываются с загробной жизнью, что навеяно текстами Нового Завета: Евангелиями и апостольскими посланиями.

Гёте явил свой взгляд на текст Священного Писания в особый исторический момент – тогда, когда закладывались основы критического восприятия Библии, иными словами, тогда, когда был обозначен ее выход из-за ограды утвержденных церковных толкований. «XVIII век был решающим периодом становления историко-критического понимания Библии»,¹¹⁹ – пишет К. Диенст.

Взгляд Гёте на библейский текст оказал неоценимое по масштабу влияние на восприятие Священного Писания последующими писателями, поэтами и мыслителями. Гёте видел Библию поистине живой, неоднородной, он искал в ней мудрость и яркие образы, он предпринимал попытки полемизировать как с самим текстом, так и с его толкованиями. Оставаясь в определенной степени просветителем и много рассуждая в категориях критического мышления, Гёте, тем не менее, включил Библию в круг текстов, заслуживающих самого пристального внимания и осмысления. Гёте любил Библию, она с детства и до последних его дней была той книгой, на которую он обращал особое внимание, считая, что не сможет обходиться без нее.

В заключение отмечу актуальность данного исследования и еще раз подчеркну, что анализ библейских мотивов в творчестве И. В. Гёте расширяет горизонты понимания его произведений. Осмысляя взгляд Гёте на библейский текст, мы можем более точно рассуждать о его философии, взглядах и мировоззренческих акцентах.

---

119 Dienst K. Zur Religion des jungen Goethe // Journal für Religionskultur. – 1999. – Nr. 30. – S. 1-15.- S. 9

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Goethe J. W. Faust. Der Tragödie erster und zweiter Teil. Urfaust. – München: Verlag C. H. Beck, 1996. – 777 S.
2. Goethe J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit. – Berlin: Holzinger, 2014. – 584 S.
3. Goethe J. W. West-östlicher Divan. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1998. – 888 S.
4. Goethe, J. W. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden / J. W. Goethe // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe : in 14 Bnd. – München : Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – B. 8: Romane und Novellen III. – 711 S.
5. Гёте И. В. Стихотворения / пер. с нем. // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста – М.: Художественная литература, 1975. – Т. 1. – 528 с.
6. Гёте И. В. Фауст. Трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 2. – 510 с.
7. Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда / пер. с нем. Н. Ман // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1976. – Т. 3. – 718 с.
8. Гёте И. В. Годы учения Вильгельма Мейстера. Роман / пер. с нем. Н. Касаткиной // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 7. – 526 с.
9. Гёте И. В. Годы странствий Вильгельма Мейстера или Отрекающиеся. Роман / пер. с нем. С. Ошерова // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. – М.: Художественная литература, 1979. – Т. 8. – 462 с.

10. Аветисян В. А. Гёте и его концепция мировой литературы (в свете литературного процесса XX века) // Вопросы литературы. – 1984. – № 10. – С. 26-38.
11. Амфитеатров А. Дьявол в быту, легендах и литературе Средних Веков. – М.: Ломоносов, 2020. – 256 с.
12. Аствацатуров А. Г. Поэзия. Философия. Игра: Герменевтическое исследование творчества И. В. Гете, Ф. Шиллера, В. А. Моцарта, Ф. Ницше. – СПб: Геликон Плюс, 2010. – 496 с.
13. Библейская энциклопедия Брокгауза. – М.: Российское Библейское Общество, 1999. – 1120 с.
14. Библия. Синодальный перевод. – М.: Российское Библейское Общество, 2004.
15. Библия: литературные и лингвистические исследования / отв. ред. С. В. Лезов, С. В. Тищенко. – М.: Российский государственный университет, 1997. – Вып. 1. – 308 с.
16. Боднар И. Г. Ветхозаветная книга Иова и трагедия Гёте «Фауст»: сопоставительный анализ сюжетных структур // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб: Реноме, 2013. – С. 16-19.
17. Болтовская Л. Н. К интерпретации образа Фауста в контексте западно-европейской и русской культуры [Электронный ресурс] // Христианское чтение. – 2013. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-interpretatsii-obraza-fausta-v-kontekste-zapadno-evropeyskoj-i-russkoj-kultury>. – (Дата обращения: 19.12.2021).
18. Бурмистрова Е. В. Символика природных стихий в лирике Гёте // Вестник СПбГИК. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-prirodnih-stihiy-v-lirike-gete> (дата обращения: 05.10.2022). – с. 96 – 101.

19. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/#0_10
(Дата обращения: 04.11.2022).
20. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / Избранные произведения: Пер. с нем.// Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
21. Волков И. Ф. «Фауст» Гёте и проблема художественного метода. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 263 с.
22. Голубева-Монаткина Н. И. Интертекстуальный очерк истории зарубежной литературы: от Античности до наших дней. – М.: Ленанд, 2014. – 240 с.
23. Гук Е. В. Библия в художественном мире Гёте (замысел и философская проблематика «Фауста») // Сборник работ 66-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета. В 3 ч. Ч. 2. – Минск: БГУ, 2009. – С. 206-209.
24. История зарубежной литературы XVIII в. / под ред. В.П. Неустроева, Р. М. Самарина. – М.: Изд-во МГУ, 1974. – 414 с.
25. История зарубежной литературы XVIII века: учебник / под. ред. Л. В. Сидорченко, А. П. Жукова. – 4-е изд., перераб. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – 392 с.
26. История зарубежной литературы XIX века: [Учебник для пед. ин-тов] / М. Е. Елизарова, С. П. Гиждеу, Б. И. Колесников, Н. П. Михальская. - [3-е изд.]. - Москва : Просвещение, 1964. – 623 с.
27. Конради К. О. Гёте. Жизнь и творчество. В 2-х тт. / Пер. с нем. – М.: Радуга, 1987.
28. Кузьмин Р. Ю. Царство Мессии в книгах малых пророков [Текст]: курсовая работа. – СПб, СПбДА, 2023. – 39 с.
29. Мень А. Библиологический словарь: в 3 т. – М.: Фонд Александра Меня, 2002. – Т. 2. К-П. – 559 с.

30. Михайлов А. В. Проблема стиля и этапы развития литературы Нового времени // Михайлов А. В. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 472-508.
31. Немецкие шванки и народные книги XVI века / пер. с нем. Н. Балашов, Ю. Виппер, М. Климова [и др.]. – М.: Художественная литература, 1990. – 639 с.
32. Рабинович, В. С. История зарубежной литературы XIX века : Романтизм : [учеб. пособие] / В. С. Рабинович ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014 – 88 с.
33. Религия, ее сущность и происхождение : (Обзор филос. гипотез) : В 2 кн. Кн. 1-2 / Прот. Т. И. Буткевич, проф. Харьк. ун-та. - Харьков : тип. Губ. правл., 1902. – 1 т. / 561 с.; 1904. – 2 т. / 451 с.
34. Руикби Л. Фауст: пер. с англ. Д. Кунташова. – М.: Вече, 2012. – 416 с.
35. Сафранский Р. Гёте. Жизнь как произведение искусства / Пер. с нем. – М.: Дело, 2020. – 704 с.
36. Семчёнок Л.И. Новелла “Кто предатель?” в художественном мире романа И. В. Гёте “Годы Странствий Вильгельма Мейстера” // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2019. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novella-kto-predatel-v-hudozhestvennom-mire-romana-i-v-gyote-gody-stranstviy-vilgelma-meystera> (дата обращения: 25.04.2023).
37. Синило Г. В. Гёте и новое открытие библейской поэзии [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gyote-i-novoe-otkrytie-bibleyskoj-poezii>. – (Дата обращения: 02.12.2021).
38. Словарь библейских образов. / под ред. Л. Райкина, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. – СПб: Библия для всех, 2005. – 1423 с.

39. Скогорев А. П. Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. Исследования. Переводы. Комментарии. – СПб.: Алетейя, 2000 – 480 с.
40. Фурсенко А. М. Концепция общества и поэтика фрагментарности в романе И. В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» // Сибирский филологический журнал. 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-obschestva-i-poetika-fragmentarnosti-v-romane-i-v-gete-gody-stranstviy-vilgelma-meystera-ili-otrekayuschiesya> (дата обращения: 05.04.2023).
41. Bez M. Goethes «Wilhelm Meisters Wanderjahre». Aggregat, Archiv, Archivroman. – Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. – 313 S.
42. Bezner M. Zwischen den Gattungen: novellistisches Erzählen in Goethes Romanen «Die Wahlverwandschaften» und «Wilhelm Meisters Wanderjahre oder Die Entsagenden». – Heidelberg: Winter, 2021. – 484 S.
43. Boyle N. Goethe. Vol. 1, The Poetry of Desire (1749-1790) : The Poet and the Age. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 807 p.
44. Brown, J. K. Goethe's Cycle Narratives Die Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten and Wilhelm Meisters Wanderjahre / Jane K. Brown. – Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1975. – 144 p.
45. Dienst K. Zur Religion des jungen Goethe // Journal für Religionskultur. – 1999. – Nr. 30. – S. 1-15
46. Durrani O. Faust and the Bible: a study of Goethe's use of scriptural allusions and Christian religious motifs in Faust I and II. – Berne; Frankfurt/M.; Las Vegas: Peter Lang, 1977. – 256 p.
47. Dye E. Love and Death in Goethe: “One and Double”. – Rochester: Camden House, 2004. – 333 p.
48. Faust-Handbuch: Konstellationen – Diskurse – Medien / hrsg. von C. Rohde, Th. Valk, M. Mayer. – Stuttgart: Metzler, 2018. – 616 S.

49. Goethe's Wilhelm Meister's Apprenticeship and Philosophy. Edited by: Sarah Vandegrift Eldridge And C. Allen Speight. – Oxford: University Press, 2020. – 276 p.
50. Goethe und der Pietismus / Hans-Georg Kemper and Hans Schneider, eds. Tübingen: Verl. der Franckeschen Stiftungen Halle im Max Niemeyer Verl., 2001. – 278 S.
51. Henkel H. Goethe und die Bibel. – Leipzig: F. W. v. Biedermann, 1890. – 94 S.
52. Hermann R. Die Bedeutung der Bibel für Goethe // R. Hermann, Bibel und Hermeneutik, Gesammelte und nachgelassene Werke III. – Göttingen, 1971. – S. 125-137.
53. Jeßing B. Konstruktion und Eingedenken: Zur Vermittlung von gesellschaftlicher Praxis und literarischer Form in Goethes «Wilhelm Meisters Wanderjahre» und Johnsons «Mutmassungen über Jakob». – Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 1991. – 259 S.
54. Karnik, M. Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Kunst des Mittelbaren. Studien zum Problem der Verständigung in Goethes Altersepoche / M. Karnik. – München: W. Fink, 1968. – 237 S.
55. Laan J. M. Seeking Meaning for Goethe's Faust. – New York: Bloomsbury Academic, 2007. – 202 p.
56. Lang B. Josef in Ägypten. Eine biblische Erzählung bei Goethe und Voltaire (Paderborner Universitätsreden 120), Paderborn: Universität Paderborn 2011. – 15 S.
57. Mauer K. Goethe und die romanische Welt. Studien zur Goethezeit und ihrer europaischen Vorgeschichte. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1997. – 346 S.
58. Mittermüller C. Sprachskepsis und Poetologie: Goethes Romane «Die Wahlverwandtschaften» und «Wilhelm Meisters Wanderjahre». – Tübingen: Walter de Gruyter, 2008. – 234 S.

59. The Cambridge Companion to Goethe. Edited by: L. Sharpe. – Cambridge: University Press, 2002. – 277 p.
60. Schottroff W. Goethe als Bibelwissenschaftler // Evangelische Theologie, vol. 44, no. 5, 1984, pp. 463-485.